

Право писать. Приглашение и приобщение к писательской жизни

Автор:

[Джулия Кэмерон](#)

Право писать. Приглашение и приобщение к писательской жизни

Джулия Кэмерон

Ваша творческая мастерская

Пишете вы по любви или за деньги, чтобы сбежать от действительности, заземлиться, настроиться, отстраниться – это занятие может и должно приносить чистое наслаждение. Неважно, хотите ли вы написать главный роман этого века или ведете личный дневник о событиях дня, эта книга вложит перо вам в руку. Для всех пишущих книга Кэмерон станет незаменимым советчиком и, вместо правил орфографии и пунктуации, расскажет про то, как найти в себе слова, завоевать их доверие и выразить на бумаге любые образы, события и чувства.

Как и в предыдущих книгах, Кэмерон предлагает множество увлекательных упражнений и рекомендаций, опробованных ею на практике.

Джулия Кэмерон

Право писать. Приглашение и приобщение к писательской жизни

Моей пишущей матери, Дороти Шей Кэмерон

© Julia Cameron, 1998

© Д. Сирромаха, перевод на русский язык, 2014

© Livebook Publishing Ltd, 2014

* * *

Джулия КЭМЕРОН – творец с тридцатипятилетним стажем. Известность в России Кэмерон принесла книга «Путь художника», признанная лучшим учебником по раскрытию творческих способностей в любом человеке.

Для тех, кто ищет вдохновение, эта книга – умелый лоцман на борту корабля.

Publishers Weekly

Благодарности

Люди, перед которыми я в долгу:

Марк Брайен, семья Кэмеронов, Соня Чокетт, Мишель Эсрик, Ронда Флемминг, Роланд Флинт, Джоэль Фотинос, Натали Голдберг, сестра Джулия Клэр Грин (из ордена Милосердных Сестер Пресвятой Девы Марии), Эрин Гринберг, Дэвид Грофф, Джерард Хэкетт, Артур Кретчмер, Лора Лэдди, Эмма Лайвли, Лэрри Лонерген, Эллен Лонго, Мишель Лоуренс, Джулианна Маккарти, Уильям Макферсон, Джеймс Навэ, Джон Ньюленд, Джон Николз, Уилл Никс, Дэвид Солтз, Сьюзен Шалмен, Доменика Кэмерон Скорсезе, Макс Шоволтер, Роджер Слейки, Марта Хэмилтон Снайдер, Джоанна Тани, Джереми Тарчер, Мартин Торгоф, Эдмунд Тауль, Дори Винелла, Тим Уитер, Ора Райт.

Вступление

В декабре 1967 года, под мрачным взором горгульи в нише под потолком университетской библиотеки Джорджтауна я нагнулась на строку поэта Теодора Ретке[1 - Теодор Хюбнер Ретке (1908–1963) – американский поэт и наставник в писательском мастерстве и стихосложении. Все имена собственные приводятся в соответствии с современными произносительными нормами. – Здесь и далее примечания редактора, кроме случаев, оговоренных отдельно.]. Он писал: «И лишь пустившись в путь, возможно, я пойму, куда же, наконец, идти мне надо»[2 - Пер. Е. Левиной. – Примечание переводчика.]. Эта фраза точно описывает мою писательскую жизнь.

Я начала писать очень рано и с годами пишу все больше и чаще, осваиваю все новые жанры. Мне доводилось заниматься художественной литературой и публицистикой, сценариями, пьесами, поэзией, очерками, критикой, статьями для журналов и газет и даже мюзиклами. Я писала по любви, за деньги, чтобы сбежать от действительности, чтобы заземлиться, настроиться, отстраниться – и вообще ради всего, ради чего только можно писать.

За более чем тридцать лет писательство стало моим неизменным спутником, моим любовником, другом, работой, страстью и всем, что я делаю с собой и с миром, в котором живу. Писательство – мой способ, а иногда и причина жить.

Моя история проста: я просто пишу. В «Праве писать» я попыталась делиться только тем, что знаю, своими наработками, своим путем. Это значит, что в книге не будет того, что мне не довелось испытать на себе, как и того, что подробно изложено в других изданиях для писателей.

Эта книга не научит вас писать сопроводительные письма в издательства, искать рынок для своих рукописей или нанимать литературных агентов. Здесь не будет правил орфографии и пунктуации. Михаил Чехов советовал актерам прежде всего работать над собой. Этот совет подходит и писателям.

Писательскую жизнь, нашу жизнь как «писателей», невозможно отделить от жизни в целом. Именно поэтому многие эссе, и в особенности методики «для писателей» в этой книге, на первый взгляд, не имеют отношения к писательству, однако все-таки имеют – да еще какое! Воспринимайте каждую главу как приглашение исследовать определенную тему. И каждую технику – как

практическое посвящение в нее же.

Если у меня все получилось, эта книга научит вас писать просто ради того, чтобы писать, ради чистого наслаждения запечатлевать слова на бумаге. Иначе говоря, эта книга не столько о том, как писать, а о том, зачем.

Так зачем же?

Писать следует потому, что такова природа человека. Так мы заявляем свое право на личную вселенную. Писать следует потому, что люди – духовные существа, а писательство – мощная разновидность молитвы и медитации, помогающая глубже понять самих себя, а также установить связь с более высоким и глубоким источником внутренней мудрости.

Следует писать, потому что это прибавляет ясности и страсти проживаемой жизни. Это чувственный, практический, заземляющий опыт. Писать следует потому, что это полезно душе. Писательство накапливает наше наследие, пролагает осязаемый путь в этом мире.

Но прежде всего писать следует потому, что мы – писатели, независимо от того, считаем ли мы себя ими или нет. Право писать – наше неотъемлемое право, духовное приданое, что дает ключи от королевства. Высшие силы говорят с нами, когда мы пишем. Зовите их вдохновением, музами, ангелами, Богом, интуицией, наставлением или просто хорошей байкой – как ни поименуй, они объединяют нас с чем-то бо?льшим, чем мы сами, прибавляют сил и оптимизма.

Надеюсь, эта книга поможет развеять некоторые мифы отрицания, связанные в современной культуре с жизнью пишущего человека. Я считаю такую жизнь утверждающей себя, вдохновляющей, духовно наполненной – и вполне осуществимой. Стало быть, эта книга – своего рода практикум, в котором мы рассмотрим общие для всех препятствия и простые способы справиться с ними, общие трудности и способы их преодолеть, камни преткновения и обходные пути. По моему опыту, жизнь пишущего человека проста, она помогает поверить в себя и в собственные силы.

Эта книга – болельщик для тех, кто примеривается к писательству, спутник тем, кто уже пишет, и благодарность моим собственным текстам за ту жизнь, которую они мне подарили. Надеюсь, эта книга поможет исцелить сломленных

писателей, воодушевить робких и соблазнить тех, кто замер у кромки воды, но все-таки желает войти в реку.

Есть у меня греза. Жемчужные ворота. Святой Петр извлекает анкету и задает мне Главный Вопрос:

– За какие заслуги тебя впустить?

– Я убеждала людей писать, – отвечаю я.

И врата распахиваются предо мной.

Глава 1

Начните

Я сижу за небольшим сосновым столом лицом на восток, где виднеются холмы Сангре де Кристо. Еще мне видно поилку для лошадей, куда налить бы воды, белый забор с голубыми, как яйца дрозда, воротами, терракотовую птичью купальню с отбитыми декоративными фигурками, заросший огород, поваленное набок ведро и моего маленького пса Максвелла, что нежится в лучах раннего весеннего солнца, словно оптимистичный пляжник в прохладный день. Когда на дворе потеплеет и желтый шланг оттаает, налью воды лошадям. Когда согреюсь я – расскажу вам, что знаю о том, как позволить себе писать.

Первая уловка – и сию секунду я ее и применяю – это просто начать прямо с того места, где вы сейчас. Настроение писать – роскошь. Это благословение, но не необходимость. Писать – как дышать: можно совершенствоваться, но вся штука в том, чтобы заниматься этим несмотря ни на что.

Писать – как дышать. Я верю в это. Я верю, что все мы приходим в эту жизнь писателями. У всех нас есть врожденная способность к языку, и мы пользуемся ею уже через несколько месяцев после рождения, когда начинаем именовать свой мир. Мы все переживаем чувство обладания и удовлетворенности, называя

увиденные предметы. Слова дают нам силы.

Еще малышами мы сначала учимся хватать предметы, а потом «схватываем» и слова. Каждое выученное слово – приобретение, маленький самородок, которым мы богатеем. Хватаемся за новое слово и повторяем его не раз и не два, играем с ним, будто с золотым слитком в лучах света. Еще детьми мы копили слова – с жадностью и восхищением. Слова – наша собственность: называя мир, мы присваиваем его.

Детскими мы запоминаем новые слова с невероятной скоростью. Они делают нас влиятельнее: «Я с мамой!» или «Мама, стой!» Дети прямолинейны и недвусмысленны. Они не церемонятся. Их слова искренни и вески. В них слышны решимость и упорство. Пыл и целеустремленность. Дети доверяют силе слов.

Если слова дают нам силу, когда мы начинаем ее терять? Когда мы впервые предполагаем, что кое-кто «умеет обращаться с языком» и может позволить себе пробу пера, а остальные лишь применяют речь в быту, но не осмеливаются причислить себя к «писателям»?

Мне кажется, для многих эта сортировка происходит в школе. Именно там нам говорят: «У тебя склонность к языкам...» То самое примечание, написанное по диагонали ровным учительским почерком в верхнем углу реферата по географии Скандинавии: «Хорошо написано».

Хорошо написано – что это значит? В школе это обычно означает стройное, ясное мышление. Приличная грамматика. Обилие упорядоченных фактов. Может означать и то, чему нас учат – «тематическим предложениям» и «переходам». Часто это не о словах, что льются, как песня, не о новаторских словосочетаниях, не об абзацах прекрасных свободных ассоциаций и авторских отступлений – юный писатель или поэт хотел и мог бы применить подобные таланты, но что за прок от них в прилежании и строгости научной работы?

Что происходит, когда подобные приемы используются в школьных работах? Слишком часто на полях снова появляется пометка учителя, на сей раз – осуждающая: «Уходишь от темы» или «Пиши по существу». Редкий учитель способен найти время и желание похвалить тексты, не соответствующие образовательным требованиям. Нам будто приходится сидеть на учебной диете: «Не перебарщиваем с перцем».

Поменьше перца. Поменьше пыла. И, уж пожалуйста, поменьше человеческого. Чтобы соответствовать общеобразовательным нормам, нам приходится довольствоваться пешеходным текстом без характера и страсти, и даже слегка высокопарным тоном, словно писать допустимо только из самых возвышенных побуждений, и на бумагу просачивается лишь выжимка здравого смысла.

Есть места и обстоятельства, в которых писательство запрещено, и тогда оно выходит на первый план. В тюрьмах послания царапают на стенах и на земле. На необитаемых островах их закупоривают в бутылки и бросают в море. Когда обмен информацией становится невозможным, человеческая воля к общению берет верх, и люди ради него рискуют здоровьем и жизнью.

Это естественно.

В современной культуре происходит нечто гораздо менее естественное. Писательство не запрещают – его не поощряют. За нас это делает «Холлмарк» [3 - «Холлмарк Кардз» (с 1910 г.) – крупнейший американский производитель поздравительных открыток.]. Мы покупаем открытки, наиболее близкие по смыслу к тому, что хотели бы сказать сами. В школах нас муштруют выражать свои мысли, уделяя основное внимание орфографии, тематическим предложениям и последовательному изложению, и логика принимает на себя командование, а чувства посажены на короткую сворку. Написание текста превращается в античеловечную деятельность. Мы без конца редактируем, удаляя подробности, которые могут оказаться неуместными. И привыкаем к сомнениям и самокритике там, где должно быть самовыражение.

В итоге мы стараемся писать чересчур осмотрительно. Слишком «правильно». Стараемся выглядеть умно. Стараемся, точка. Писать гораздо проще, если не прикладывать столько усилий. Если разрешить себе прохладиться на странице. Для меня писательство уютно, как ладная пижама. В современной культуре этот процесс скорее напоминает военное обмундирование. Мы строим предложения – в шеренги, как послушных детей в частной школе.

Сожгите школу дотла. Оставьте, пожалуй, книги, но уговорите учителя поведать вам подлинные тайны – что он пишет и читает тайком, ради предосудительного удовольствия? Предосудительное удовольствие и есть суть писательства. Она – в притягательности слов, перед которыми вы не в силах устоять, описывая что-нибудь интересное. И забудьте о возвышенных побуждениях.

Я не пишу из возвышенных побуждений – и никогда этого не делала. В шестом классе я написала свою первую серию (очень) коротких рассказов с одной-единственной целью – привлечь внимание Питера Мунди, новичка в нашей школе Святого Иосифа, из класса миссис Клопш. Он переехал на север из штата Миссури. У него был южный акцент и каштановые, как банка гречишного меда, волосы. Голос у него был налит той же сладостью, что и внешность. Мне хотелось к нему в подружки. Мне хотелось, чтобы он меня заметил. И я собралась охмурить его написанием рассказов.

Двадцать лет спустя, уже после того, как он пригласил на свидание не меня, а Пегги Конрой, Питер признался, что мои рассказы тогда пленили его сердце: «Просто я струсил».

Может, Питер и струсил, но, преследуя его с бумагой и ручкой, я обрела нечто большее – я ощутила пьянящий вкус погони за словами.

Писать – все равно что ехать по асфальтированной сельской дороге в жаркий летний день. На горизонте подрагивает мерцающее волшебное пятно. Ты стремишься к нему. Набираешь скорость, чтобы добраться до него поскорее, но стоит приблизиться – оно исчезает. Подняв взгляд, снова видишь его вдали. Наверное, кто-то счел бы это неразделенной любовью или неудовлетворенностью. Но мне кажется, писать – штука получше.

Я считаю это предвкушением. Упоением. Как ощутить вкус отличной трапезы, лишь почуяв ее аромат. Чтобы любить свежее испеченный хлеб, не обязательно его есть. Его запах почти столь же прекрасен и приносит не меньшее удовлетворение, чем толстый ломоть с маслом и домашним абрикосовым вареньем.

Мозг человека обожает писать. Ему нравится давать явлениям названия, находить ассоциации и отличия. Подбирать слова – как выбирать яблоки: вот это, похоже, вкуснейшее.

* * *

Писать, выискивая подходящие сочетания, – чистый трепет и восторг, как натягивание тетивы. И попасть «в яблочко» – сформулировать предложение,

точно описывающее то самое мерцающее пятно над дорогой, стоит сил, вложенных в погоню, однако и сама погоня, и увиденное боковым зрением на пути – тоже кое-чего стоят. Мне нравится писать хорошо, однако еще больше мне нравится просто писать – и точка.

Когда я бралась за эту главу, небо было голубым и безоблачным. Сейчас, когда я ее заканчиваю, погода переменилась. Плотные темные тучи плюются капризным дождем. Ветер налетает жесткими порывами, благоухающими весной. Теперь не придется наполнять лошадям поилку. Дождь прекрасно справляется сам. Малыш Максвелл вернулся в дом и свернулся калачиком у моих ног. Этот день, как и эта глава, начался одним, а заканчивается совсем другим.

Кабир пишет: «Думал я, что правда – на краю земли, а она повсюду, где бы мы ни шли»[4 - Пер. С. Липкина. – Прим. перев.], – и к писательству это тоже относится. Где бы ни был, ты всегда там, где должен быть. Вовсе не обязательно сначала что-то в себе исправлять, перешнуровывать душу и начинать на высоте. Начинайте там, где вы есть.

Предоставленное себе, писательство – как погода. В нем есть и острота, и форма, и сила, создающие образ дня. Как проливной дождь очищает воздух, так и годный писательский день очищает душу. Просто позволить себе писать – это как-то очень правильно. И чтобы сделать это, нужно лишь начать – прямо оттуда, где вы сейчас.

Способ приобщения

Этот метод столкнет вас на воду. Возьмите три листа бумаги формата А4 в широкую школьную линейку. Начните сверху первой страницы и напишите три страницы о том, что чувствуете и о чем думаете прямо сейчас. Принимайтесь за дело – с того, что происходит с вами физически, эмоционально и психологически. Пишите о чем угодно – обо всем, что приходит в голову.

Это упражнение в свободной форме. Его невозможно сделать неправильно. Будьте мелочным, критичным, плаксивым, испуганным. Будьте восторженным,

безрассудным, обеспокоенным, счастливым. Будьте таким и тем, какой и кто вы в сей миг. Поймите струю. Ощутите поток своих мыслей и порывов. Продолжайте водить рукой по бумаге и оттягивайтесь напропалую. Дописав три страницы, остановитесь.

Глава 2

Дайте себе писать

Наши представления о писательской жизни обильно обложены чепухой. Нам отчего-то кажется, что выражать мысли на бумаге – целое дело, не то что попросту распылять их в воздух. Бытуют мифы, будто писать – мучительное занятие. Мы им верим и даже не беремся, а если все-таки пытаемся, и оказывается, что это легко и просто, мы останавливаемся, замираем и убеждаем себя, что у того, чем мы занимаемся, с «настоящим» писательством нет ничего общего.

Под настоящим писательством мы подразумеваем ту самую разновидность, что овеяна мифами. Которая не предполагает такого вечера, какой сегодня сложился у меня: мы поужинали с подружкой Дори, потом посмотрели «Почтальона»[5 - «Il postino» (1994) – фильм реж. Майкла Рэдфорда по роману Антонио Скарметы.], я проводила ее, когда было еще совсем не поздно, и направилась в кабинет, чтобы немного пописать, а щенок Максвелл пусть лежит уютным клубком у ног.

В такой жизни писателя есть нечто слишком повседневное, непринужденное, слишком обыденное. Мы живем почти так же, как и все остальные, только перемежаем наше житье писательством. Ну да, если писатели живут именно так, многим из нас это по плечу. Если в страданиях нет необходимости, и для того, чтобы писать, вовсе не нужно замыкаться в себе...

А что, если писателей вообще не существовало бы? Если бы все просто писали? Если не нужно было бы стремиться стать «настоящим писателем»? Если бы писательство было самодостаточным?

Если бы не нужно было беспокоиться об издании и критике, сколь многие могли бы сочинить роман просто потому, что это в радость? Почему нам кажется, что на роман замахиваться нельзя – как начинающему плотнику браться за простой книжный шкаф или садовый стол. А если бы не требовалось писать хорошо? Если писать можно было бы просто для удовольствия?

А если относиться к писательству как к сплаву по бурной реке? Как к чему-то, что можно попробовать, просто ради щенячьего восторга пройти стремнину творческого процесса. Если позволить себе быть любителем – от слова любить? Если прекратить убеждать себя в необходимости добиваться признания, очень многим понравилось бы писать. Хотя в привычных нам мифах редко об этом говорится, писать – потеха.

Когда люди берутся писать, обычно это делается не для того, чтобы писать, а чтобы «стать писателем». Подлинное значение этой фразы окутано тайнами, мистикой и откровенной чепухой.

А суть вот в чем: для того, чтобы стать писателем, достаточно просто писать, но об этом почему-то забывают. Наоборот – мы придумываем, что «настоящих писателей издают» или «настоящие писатели зарабатывают писательством на жизнь». В некотором смысле мы утверждаем, что «настоящие писатели получают подтверждение от других в том, что они писатели. В их паспорте стоит писательский штамп. Изданы в _____ . Про них пишут в _____».

С эдакой мифологией, да с озабоченностью результатом, а не процессом, разве удивительно, что начинающего писателя сковывает беспокойством? Даже острые на язык сомневаются в остроте своего пера. Чистая страница кажется им незаполненным чеком, куда предполагается вписать сумму, на порядок превышающую, как им кажется, их талант.

«Мне бы хотелось быть писателем. Просто не дано», – говорили мне люди, чей языковой дар приметен, как неоновая вывеска.

«Говорить я умею, а вот писать, хоть убей, нет», – это я тоже слышу довольно часто. С чего мы взяли, что запечатлеть буквы на бумаге так опасно и трудно?

Нередко случается вот что: при попытке перейти на бумагу привычную текучесть устной речи вдруг сменяет оцепенение. Каждое слово становится обязательством, предметом дотошной самокритики и самокопаний. При виде чистого листа нам кажется, что все серьезно. Привычно звучащие слова вдруг смотрятся подозрительно. Забыв, что такое «черновик», мы хотим производить на свет одни лишь ограненные самоцветы. Здесь нет места ошибкам, просторечиям, очаровательным иносказаниям. Тут же включается образование и всё те же требования к хорошему сочинению: тематические предложения, порядок...

Большинство думает, что не умеет писать. Нам кажется, что этим занимается кто-то другой – «писатели». И даже если у вас все же обнаруживается прилежность новичка и страсть любителя, этот титул вы все равно приберегаете для «настоящих писателей». Таких, которые умеют «построить» предложения, будто роту солдат, и заставить их маршировать логичными абзацами, как войска при высадке в Нормандии – блистательными волнами, одна за другой.

Нет в этом никакой необходимости.

Если убрать слово «писатель» и вернуться к тому, чтобы просто прислушиваться и записывать, что слышим, любые правила исчезают. У того, за чем мы наблюдаем, к чему прислушиваемся, чтобы передать на бумаге, есть природный образ, форма, перетекающая в форму. И если слушать внимательно, нам откроются его особые правила. Образ не нужно навязывать. Образ – часть того, что мы слышим. Если просто дать себе писать, все получится «как надо».

Способ приобщения

Этот метод расчищает баррикады между вами и чистой страницей. Выделите полчаса. Отправьтесь в кафе с писчей бумагой. Закажите себе чашку кофе, чая, стакан газировки или минералки. Выполните следующее задание.

Шаг первый:

Каковы ваши скрытые ассоциации со словом «писатель»? Заполните следующие поля как можно быстрее:

Писатели _____

Писатели _____

Писатели _____

Писатели _____

Писатели _____

Писатели _____

Писатели _____

Писатели _____

Писатели _____

Писатели _____

Шаг второй:

Превратите отрицательные ассоциации в положительные утверждения. Например, «писатели всегда на мели» превращается в «писатели платежеспособны». «Писатели безумны» в «писатели мыслят здраво». «Писатели – одиночки» в «у писателей хорошие друзья». Всю последующую неделю выписывайте положительные утверждения по пять раз в день.

Дайте себе слушать

Самое простое и умное из всего, что мне довелось узнать о писательстве, – важность умения ориентироваться в пространстве. Писать – значит выкладывать что-то вовне, а не закукливаться внутри. Когда пытаюсь «выдумать что-то из головы», приходится до чего-то дотягиваться, достигать. Писательство делается столь возвышенным, что его и не ухватить. Когда пытаюсь что-то выдумать, я силюсь. А когда, напротив, сосредоточиваюсь на том, чтобы просто записывать, ощущаю внимательность, а не напряжение.

Иными словами, это искусство писать под диктовку, а не диктовать самому. Вникая, я просто записываю все, что слышу, моя задача – не породить поток идей, а лишь записывать его. Когда же писать бывает трудно – это потому, что я пытаюсь говорить на бумаге, а не слушать.

Когда же мы начинаем писать, слушая, а не разговаривая, рождаются тексты, в которых гораздо меньше эго. Вместо того чтобы сомневаться в себе и в написанных мною строках, я изумляюсь и восхищаюсь строкам, которые попросились на бумагу сами. И писать – уже не проповедовать, а откровенничать. Это верно для писателей, позволяющих тексту проходить сквозь себя. Мы, писатели, как и любой читатель, предвкушаем, что же будет дальше.

Когда писательство сводится к важности того, о чем мы желаем поведать миру, в текст проникают сомнения, «врубится» ли читатель – ну то есть увидит ли, насколько мы гениальны. Если же просто записывать мысли по мере их появления, беспокоиться приходится скорее о точности, чем о гениальности. Насколько внимательно мы готовы слушать? Какую долю власти готовы уступить, чтобы позволить творчеству двигаться сквозь нас, вместо того, чтобы подхлестывать его к нашим собственным целям?

Мы можем «измыслить» сюжет, а можем «записать его». Можем думать, «о чем бы написать» – а можем писать то, о чем, так уж вышло, сейчас думаем. Можем требовать от себя писать хорошо, а можем смириться с тем, чтобы писать, как пишется – хорошо, плохо или вообще как попало.

Многие согласны только на то, чтобы писать хорошо, вот почему им так тяжело писать вообще. Мы требуем от себя слишком многого: выразить кому-то свои мысли и при этом еще и произвести впечатление. Не удивительно ли, что наша проза прогибается под тяжестью этих двух задач?

Из всех высказывавшихся о ремесле писателей Генри Миллер показался мне самым честным, он меньше всех прочих лил воду на свою мельницу и не делал из себя легенду. Миллер советовал: «Развивайте интерес к жизни, которую видите – в людях, предметах, литературе, музыке. Мир столь богат, просто переполнен несметными сокровищами, прекрасными душами и интересными людьми. Забудьте о себе».

Когда «забываем о себе», писать легко. Нам уже не приходится замирать по стойке «смирно», когда каждое местоимение «я» пропитано нашим эго. Стоит нам забыть о себе, выбросить из головы «хорошего писателя» и довольствоваться тем, чтобы быть просто писателем, как приходит опыт писательства как некоего движения сквозь нас. Мы отказываемся от роли самокритичного автора и становимся чем-то еще – проводниками самовыражения. Когда мы – всего лишь проводники, рассказчики, а не смысл истории, мы обычно пишем очень хорошо – и уж точно дается это легче.

Способ приобщения

Этот метод поможет вам расслабиться и прекратить относиться к писательству так серьезно, что аж страшно.

Представьте себе, что сидите под большим деревом, прислонившись спиной к стволу. С другой стороны под деревом сидит Сказитель. Возьмите лист бумаги и пронумеруйте строки от одного до пяти. Поведайте Сказителю, какие пять историй хотели бы услышать.

Враки про время

«Если бы у меня была возможность взять отпуск на год, я бы написала роман».

Может быть, написала бы. А может – и нет. Иногда скользкой дорожкой к творческому тупику становится выделение длинного отрезка времени со штемпелем: «А теперь пиши давай». Если делать из писательства бог весть что, заниматься им гораздо труднее. Покуда писательство наше – по ходу дела, оно видится посильным. Особенно это касается времени.

Один из главных писательских мифов: чтобы писать, нужно много времени без помех и отвлечений. Однако лично у меня никогда таких шелковых отрезков времени не находилось. Вся моя жизнь – и работа, которой она наполнена, – больше похожа на лоскутное одеяло, чем на гладкий нескончаемый рулон безмятежного шелка.

Басня о том, что для творчества нам нужно время – много времени – мешает нам пользоваться имеющимся запасом. Если все время хотеть большего, постоянно недооцениваешь уже предложенного.

Например, сейчас ко мне едут гости, и мне нужно приготовить ужин, накормить лошадей, и мой пес не отказался бы от долгой прогулки. Будет ли она долгой – пока неясно, но я точно доберусь до всего остального – как только закончу писать. Годы сольного материнства, преподавания с полной нагрузкой и писательства научили меня выхватывать время, а не ждать, пока оно появится. Сейчас я занимаюсь ровно тем же. И в этом есть толк.

Большинство из нас под фразой «если бы у меня было время» прячет еще и соблазнительный подтекст – «чтобы услышать собственные мысли». Иными словами, мы представляем себе, что, будь у нас было время, мы бы уgomонили поверхностную часть своего «я» и прислушались к более глубокому потоку вдохновения. Еще одна выдумка, позволяющая нам отвертеться – если ждать, пока появится время, чтобы прислушаться к себе, значит, сейчас можно не прислушиваться и не брать на себя ответственность за принятие того, что пытается пробиться наружу сегодня.

Мои ученики нередко повторяли: «Между мной и великим американским романом – лишь год отпуска». Такая озабоченность глыбой времени глыбой же и ложится поперек писательского творческого потока. Большинству учащихся – да большинству вообще, точка, – повезет взять отпуск на целый год. А без такого отпуска «по-настоящему» писать не выйдет, верно?

А может, и выйдет.

Вранье про «если бы у меня было время» позволяет не обращать внимания на то, что романы пишутся постепенно, по фразе за раз. На фразу и минутки хватит. И если наворовать таких минуток и вдосталь предложений – родится целый роман, без всякой роскоши свободного времени.

Юрист Скотт Туроу писал свой увлекательный роман «Презумпция невиновности» [6 - Скотт Фредерик Туроу (р. 1949) – американский писатель и юрист, автор девяти романов (три из них экранизированы, на основе одного снят цикл телепрограмм) и трех нехудожественных книг; проза Туроу переведена на сорок языков мира.] ежедневно в электричке по дороге на работу. Моя ученица Морин сумела написать девять полнометражных сценариев с грудным сыном на руках, ухитряясь работать дизайнером. Майкл, другой мой ученик, написал целую книгу, выкраивая свободные минуты в тот же год, когда защищал магистерскую степень. Все они выделяли время писать, а не ждали, когда оно найдется.

Стоит только запланировать время, чтобы писать, как оказывается, что этим можно заниматься когда и где угодно. Стоит нам научиться «проваливаться в колодец» – чтобы обучить этому приему, я прошу писать по утрам три страницы текста от руки, – делать это можно в любое время и в любом месте: в очереди к врачу, в самолете, ожидая кого-нибудь в метро, между встречами на работе, в обед, в перерыве на кофе, в салоне красоты, за кухонным столом, пока жарится лук...

Если научиться писать просто из любви к процессу, время можно найти всегда, но его нужно уворовывать, как влюбленные перехватывают на бегу поцелуй. Как сказала мне одна пронцательная дама, «самый занятой и важный мужчина всегда найдет для тебя время, если любит, а если не находит – значит, и не любит». Когда влюблены в свое писательство, мы найдем для него время.

Уловка со временем для писательства, выходит, такая: пишем из любви, а не с прицелом на результат. Не пытайтесь написать что-нибудь безупречное – просто пишите. Не пытайтесь написать фолиант – просто начните его писать. Да, страшно и подумать, откуда взять столько времени, чтобы написать целую повесть, и совсем не так страшно, если собираться написать один абзац или даже одну фразу. А из абзацев, собранных из фраз, романы, собственно, и складываются.

Энни, журналист по профессии, долго ждала, пока «найдется» время писать для удовольствия. У нее выходило так, будто время – это стодолларовая купюра, которую однажды ей повезет подобрать на улице.

– Не жди, пока время найдется, – сказала ей я. – Давай энергичнее. Кради время.

Поначалу Энни смогла красть по пятнадцать минут ежедневно. Потом стало получаться дважды в день. А уже совсем скоро она ворочала целыми украденными часами – дважды в неделю. Будто внезапная страстная влюбленность вскружила голову Энни – неожиданно для себя она начала получать удовольствие от того, что пишет. И время вдруг «нашлось».

Алан, преподаватель писательского мастерства, тоскующий по писательству, много лет подряд убеждал себя, что напишет свой первый роман, когда возьмет академический отпуск. Однажды он оплошал, признавшись в этом мне.

– А почему не сейчас? – спросила я. – Начни писать сейчас, а во время отпуска будешь редактировать.

– У меня нет времени, – возразил он, – я учу студентов писать. Я сижу и смотрю, как они пишут, – проворчал он раздраженно.

– Ну так пиши, пока пишут они. Не делай из этого великого начинания, а просто нацарапай пару строк, пока они занимаются тем же.

– У меня иногда появляются идеи, но я ума не приложу, как их развить, – продолжал спорить Алан.

– Так развежь любую и посмотри, куда она приведет.

– «Развей любую»! А что если она ведет в тупик? У меня нет времени на тупики!

– Тупиков вообще-то не бывает, – заверила его я. Алана загнали в угол, и он это понимал.

У него было время писать. У всех нас оно есть. Оно появляется тогда, когда мы готовы писать плохо, развивать тупиковый сюжет, писать просто так, а не ради идеально отполированного результата.

Одержимость временем – на самом деле одержимость совершенством. Нам нужно в досталь времени на то, чтобы писать безупречно. Хотим писать, подстраховавшись, что точно не окажемся в дураках, не потратим время на то, что не окупится.

– Начни с утренних страниц[7 - Утренние страницы – практическое упражнение из книги Джулии Кэмерон «Путь художника»: три страницы потока сознания, которые требуется писать от руки, ежедневно. – Прим. перев.], – уговаривала я Алана. – Дай себе выбраться на бумагу. Напиши три страницы вообще ни о чем. Это приучит твоего внутреннего цензора позволять тебе творить.

– Сомневаюсь, – отозвался Алан.

– Сомневайся на здоровье, но попробуй все равно, – подталкивала его я.

Сомнения не имеют значения. Утренние страницы прекрасно прочистили канал. Не прошло и нескольких недель, как Алан начал писать наперегонки со своими учениками. Фразу за фразой, страницу за страницей – он писал. Он даже развил несколько замыслов, которые раньше казались ему тупиковыми.

– По-моему, я и преподавать стал лучше, – говорит он.

Неудивительно. Ничто не говорит яснее любви, и Алан до того полюбил писать, что эта любовь зажгла его, будто светильник, что помог озарить путь его студентам.

Когда мы даем себе писать по любви, когда ворует драгоценные минуты себе в подарок, жизнь становится слаще, а мы – добрее. Мы больше не завистливые

зеваки, что стоят на бровке и бормочут: «Я и рад бы, но...»

«Живи я на Ки Уэст[8 - Остров во Флоридском проливе.], я б нашел время писать...»

«Будь у меня побольше сбережений, я бы нашла время писать...»

Все эти вымыслы о писательстве и времени, которыми мы себя утешаем, связаны с завистью и с придуманными убеждениями, будто существуют какие-то другие люди, у которых жизнь проще, денег в ней больше, и заточена она под писательство лучше нашей.

Чтобы найти время писать, нужно просто включить его в то расписание, которое у вас уже есть. Именно в этом ваш козырь. Бросьте воображать, что «настоящая» жизнь писателя – чья-то другая. Закаты на Ки Уэст не делают людей писателями. Трастовые фонды не финансируют потоки идей. Все наши жизни – жизни писателей, потому что все мы – писатели.

Ученики Лоры – одаренные дошкольники. Она целый день занята планами уроков, проверкой тетрадей и любознательными родителями. Посреди всего этого Лора находит время для трех страниц по утрам и еще нескольких – по вечерам перед ужином. Иногда она пишет по субботам. А в последние два года ходила на зимние курсы для писателей в местном муниципальном колледже.

– Раньше я все время жаловалась, что мне некогда, – вспоминает Лора. – Я хотела писать и ненавидела себя за то, что не пишу, но при этом мне было надежно. Начинать планировать время, чтобы писать, поначалу было страшно, но это все изменило. Оказывается, у меня есть время не только на то, чтобы писать, но и на многое другое тоже остается. Если честно, мне кажется, у меня была депрессия, а благодаря привычке писать мне удалось от нее избавиться. Так бывает?

– Писать – значит исправлять этот мир, – сказала я Лоре.

– Я от вас столько раз это слышала, но никогда не верила, – ответила она. – А теперь верю.

Стоит нам выделить время, чтобы писать, и можно не сомневаться: проведем мы его прекрасно. Описывая окружающий мир, мы начинаем упиваться им. И даже самая сумасшедшая жизнь сломя голову покрывается патиной желанности.

Способ приобщения

Мы часто твердим: «У меня нет времени писать». Но время писать у нас есть – понемножку. Этот метод поможет вам взяться за снос исполина жертвенности, олицетворяющего время.

Купите пять открыток и пять марок. Отыщите адреса пятерых людей, которых вы любите, но не находите времени поддерживать с ними отношения. Заведите таймер на пятнадцать минут. Уделяя по две-три минуты каждой открытке, напишите несколько теплых слов своим друзьям. Приклейте марки и отправьте почтой.

Глава 5

Маршрут

Наверное, здесь можно было бы выразиться и похудожественней, но для меня писать – это как прокладывать маршрут. Если вы – Америка и пролагаете маршрут, писательство даст вам дорогу от одного побережья к другому: и карту вычертите, и видами насладитесь.

Я убеждена: то, о чем нам хочется писать, само хочет быть написанным. Уверена: когда во мне пробуждается творческий порыв, то, что мне хочется создать, само рвется наружу. Моя задача в таком случае – явиться к чистому листу и позволить этому чему-то пробиться на свет. В некотором смысле, что? именно хочет быть написанным – не мое дело.

На заре своего писательства я все время пыталась править на ходу. От каждой фразы, абзаца, страницы требовалось логическое продолжение всего предыдущего. Я много обдумывала. Я очень старалась. Работа над текстом была для меня каторгой. Много часов подряд я упорно писала и переписывала, вычеркивала и возвращала обратно. Такое писательство давалось трудно, я злилась и расстраивалась, будто одновременно сочиняла сценарий и монтировала фильм.

Опасность такого подхода в том, что он делал меня зависимой от перепадов настроения. В распахнутом состоянии все написанное мною казалось прекрасным. В зажатом – и тексты мои ни на что не годились. В итоге писательство превращалось в «американские горки» приговоров и осуждений: я то корила себя, то оправдывала, то я гений, то ничтожество. Мне хотелось писать уравновешеннее, без крайностей. Хотелось эмоциональной трезвости.

На пути к ней я научилась писать без оценок и оставлять редактирование на потом. Я назвала этот новый, более свободный подход «прокладыванием маршрута». Впервые в жизни я позволила себе черновики, которые оправдывали свое название.

Удивительно, но мои «черновики» вообще-то стали чище. Стоило мне освободиться от потребности сразу писать блестяще, идеально и умно, как мое письмо стало не только чище, но и легче, прозрачнее. А когда я все же возвращалась к черновикам для правки – обнаруживала, что и править-то особенно нечего. Поразительно много моих черновиков выдержало дальнейшее пристальное рассмотрение.

Мне раньше не приходило в голову, что вся эта драма писательства – не более чем драма. Никогда бы не подумала, что напряжение по поводу написанного имеет мало общего с подлинной драмой, которой место – в том самом написанном.

Разрядка драмы – как разобрать заряженное оружие: я вздохнула с облегчением. И завязала с суевериями. Мне уже не требовалось по восемнадцать раз обегать рабочий стол, как собаке, которая ищет, где бы улечься. Я начинала там, где начинала. И вспомнила, что писать – это потеха. Моя задача – писать, а не оценивать написанное. Оказалось, у текста есть свой внутренний план. По мне, писать – это как слушать мелодию у себя в голове. Нота за нотой, она и сама знает, куда движется. Я следую за ней и записываю. А

причесывать и шлифовать ее можно и позже. А пока мне остается лишь уловить мысль, успеть перенести ее на бумагу, а развить и украсить можно и потом.

За годы работы я узнала, что в подсознании творческого человека идеи зреют, будто кристаллы. По чуточке, по капле растут они в темноте, со временем превращаясь в великолепные скопления. Моя задача – собирать эти капли и чуточки, вольной ассоциацией, если хотите, осознавая, что у ассоциаций этих свои планы на то, чем все закончится.

Композитор Эрик Сати[9 - Эрик Альфред Лесли Сати (1866–1925) – французский композитор и пианист, представитель французского музыкального авангарда.] заметил как-то, что любил «походить вокруг пьесы», прежде чем записать ее. Я тоже хожу вокруг идей – и записываю все, что вижу по дороге. Если что-то вдруг является на пути, я даю ему высказаться. Мне интересно, куда ведут окольные тропы. Я позволяю последовательностям образов просто являться на свет, а не требовать от них логичного течения. Я усвоила, что в писательстве мой логический ум гораздо полезнее в правке черновиков. А мой богатый, плодовитый, чудаческий ум – то, что надо для прокладки маршрута.

Я не боюсь тупиков. Почти все переулки куда-то ведут, и если, сворачивая в них, я рискую загнать себя в угол и написать что-нибудь неожиданное – ну и пусть. Я знаю, что некоторые редактируют, пока пишут, и это их право. Но я предпочитаю другой подход. Вместо этого я, вспоминая, как строят железные дороги, прокладываю рельсы из пункта А в пункт Б. Каждый день, хоть по несколько минут, я стараюсь проложить хоть немного пути. Я не строю планов, сколько именно мне удастся сделать. Когда я занималась этим раньше, цели себе ставила скромные: три страницы сценария или полторы – прозы. Выполнимо. Это означало девяносто страниц чернового варианта сценария в месяц. Сорок пять страниц прозы. Короче говоря, я прокладывала маршрут.

Некоторые беспокоятся о том, как бы придумать наилучший маршрут. Мне такое беспокойство кажется несколько избыточным и преждевременным. Лучше оставить это на потом, когда займетесь правкой. Черновик – карта из точки А в точку Б, поездка через всю страну. Те черновики, которым позволено проявляться естественно для них, нередко и так прокладывают маршруты, близкие к идеальным. Если пережать с планированием и репетициями, уйдет весь сок. И в последующих черновиках текст придется «оживлять». Гораздо лучше, если первый вариант будет диким и даже необузданным – таким, какой можно потом усмирить и причесать, таким переполненным подробностями,

чтобы ломать голову над тем, что выкинуть, а что оставить, а не над тем, что бы добавить.

Сомневаетесь – записывайте: мужчина с восхитительным голосом оставил вам сообщение на автоответчике, спесивая голубая сойка распоряжается кормушкой для птиц, долгожданное письмо, которого сегодня так и не получили.

Записывайте. Хоть иносказательно, если уж на то пошло, но – записывайте.

Текст просторен – в него поместятся любые мелочи, какие пожелаете. И в нем достаточно страсти, чтобы выдержать какое угодно ваше настроение, любой порыв, что крутит вами так и эдак.

Текст – и в этом большой его секрет – хочет быть написанным. Он любит своего писателя, как Бог любит тех, кто искренне ему верен. Позвольте себе писать – и это наполнит ваше сердце и страницы и поможет наполнить жизнь.

Способ приобщения

Писательство помогает нам составить карту своего внутреннего мира.

«Прокладывать маршрут» означает еще и позволить себе вообразить, какие направления нам бы понравились. Это упражнение поможет вам получить представление о собственной эмоциональной географии.

Если бы от вас не требовалось ничего по-настоящему писать, что бы вам было интересно сочинить? Детектив? Рассказы? Роман? Песни? Пьесы? Стихи? Может, вас привлекает сразу несколько направлений – это тоже совершенно нормально. Это не значит, что вы – поверхностный дилетант. Это значит, что вы многогранны. Засеките пятнадцать минут и пишите от руки – и как можно быстрее – о том, в каких жанрах вам было бы занятно попробовать себя?

Глава 6

Скверный текст

Небо сегодня сходит с ума. Буйный ветер гонит мрачные тучи, дождь еще не льет, но жалит жесткими каплями. На западе закат – тонкой полосой абрикосового шелка вдоль горизонта, будто пеньюар Кэрол Ломбард[10 - Кэрол Ломбард (1908-1942) – американская киноактриса, звезда бурлескной комедии.] – бесстыжий, мягкий, манящий. Весь сегодняшней вечер – как сладкое предвкушение любовной связи. Вот засверкали молнии, вонзаясь в землю, будто мультяшные мечи – острые, ярко-золотые – вроде тех, какие рисуют античным богам в анимационных фильмах по греческой мифологии. Если писать об этом вечере достаточно долго, он начинает заигрывать со мной: «Пойди покатайся верхом, пока не стемнело». – «Нет, а вдруг гроза». – «Останься дома с книгой. Экий прекрасный, ненастный вечер – но как пропустить такой закат? Сходи погляди!» – «Ни за что! Там же молнии...»

Когда пишешь, не обязательно всегда знать, чем все закончится. Да-да, в школе нас учили излагать мысли ровными рядами – как будто они так и появляются у нас голове. Будто мы так и думаем. Манера письма, которой нас учат в школе, – ободранная, обобранная на все хромированные детали, обезличенная проза. В отличие от сегодняшнего вечера, в ней не бывает сверкающих молний и уж точно никаких облаков-пеньюаров Кэрол Ломбард.

Писать в такой «грамотной» манере – как смотреть кино, которое уже видел. Можно восхищаться его качеством, но неожиданные повороты сюжета уже не заставят нас холодеть от ужаса, рыдать от избытка чувств или открывать рот от изумления. Чтобы добиться всего этого, иногда писать нужно «плохо». Плохие тексты – особенно когда они хороши – подобны уличной пицце в Нью-Йорке. Иногда тесто слишком сухое, иногда не вполне пропеченное, но вкус ее великолепен. Она ароматна. Остра. Сочна.

Поэтому, чтобы стать хорошим писателем, мне нужно быть готовой писать плохо. Нужно дать своим мыслям и образам быть такими же противоречивыми, как и вечер, что пускает фейерверки за окном. Иными словами, впустите в произведение все – каждую мелочь, что привлекает ваше внимание. Разберетесь потом – если понадобится.

У меня есть одна знакомая красавица, которая всегда портит славный наряд какой-нибудь нелепицей – шляпой с вуалью, пуансеттией, прости господи, заткнутой за ухо, легкомысленным шифоновым шарфом. Мужчины ее обожают.

И пока ее «сестры» пренебрежительно хмыкают, глядя на ее ошибки в стиле, мужчины увиваются за ней, не скрывая восхищения. Есть нечто обворожительное в смешении и неподходящих сочетаниях. Нечто буйное, иноземное в случайном пере, почему-то воткнутом в декольте, и в безвкусовой старомодной броши, украсившей ее шляпу.

Немного кричащей мишуры может пойти прозе на пользу. Сдержанные, выверенные тексты – восклицательные знаки только с позволения Папы Римского, – которым нас учат в школе, отбивают у многих охоту писать. Нам говорят: «Если не можете писать складно, лучше не пишите вообще», – и мы прислушиваемся. Нам бы разрешить себе писать плохо, и много у кого получилось бы ого-го как хорошо.

Как-то мне позвонила Кэролайн, молодая писательница, без пяти минут выпускница университета. Она пишет дерзко, и ее тексты фыркают задором. Она остроумна, пронзительна и резка – но не в этот раз.

– Я пишу сочинение, и получается отвратительно, – пожаловалась она. – Можно я прочту вам немного?

– Ну ладно, немного можно, – нехотя согласилась я. Кому охота слушать «отвратительное»?

Кэролайн принялась читать. Фразы маршировали строем, как послушные солдаты. В тексте не было ни огня, ни страсти, ничего, кроме сплошного «надо, надо, надо» в каждой строчке. Это был «складный» текст в самом плохом смысле слова.

– Остановитесь! – взмолилась я. – Что случилось?

– Вот и я спрашиваю! – воскликнула она.

– Ну, звучит очень, очень осторожно, – сказала я. – Как будто вы пишете не то, что думаете на самом деле.

– Так и есть! – призналась Кэролайн. – Мне страшно писать, что думаю. Я терпеть не могу этого преподавателя. Он вечно придирается к мелочам и не выносит

ничего из того, что нравится мне, – и наоборот. Я пытаюсь написать что-то, что бы ему понравилось.

– Возможно, вам придется выбирать – быть хорошим писателем или хорошей студенткой.

– По крайней мере, так я буду себя уважать. Как думаете, что мне теперь делать? Порвать вот это и начать заново?

– Честно? Именно так. Начните заново. Пишите, что думаете, и думайте, что пишете. Так и вы сами, и ваши работы будут вам по душе.

Кэролайн отправилась переделывать.

Интересно, думала я, почему «складный» текст звучит так чудовищно?

Два часа спустя она позвонила снова.

– Вот, послушайте, – сказала она уверенным и веселым голосом.

И прочла мне живое, блестящее сочинение, с колкими выводами. Читая, она смеялась.

– Может, преподавателю и не понравится, но на этот раз я писала, что думаю, – закончила Кэролайн.

– Ну что, подняли ставки? – спросила я. – Теперь все это стало важным – вы показали, что вам не все равно, может, теперь и преподаватель проявит интерес.

Я положила трубку и подумала: «Вот оно что. Многие “складные” тексты написаны так, будто их автору все равно».

Они холодны, умственны, высчитаны, выверены. Вот почему я люблю читать бульварную прессу. Там полно отличных «плохих» текстов.

У них есть нечто общее с чтивом Диккенса – они подсаживают на себя. Изоощренные сюжеты, в которых на карту поставлено все, насыщают, как жирное мороженое. Все его красавицы «умопомрачительны». Злодеи «омерзительны». Жертвы «беспомощны» и «невинны». Убийства «кровавы».

В бульварной прессе, в отличие от реальной жизни, ставки всегда высоки. Возлюбленных предают. Супругам наставляют рога. Предательство таится за каждым углом – как и верные псы, которые спасают утопающих из бурных вод потопа.

У желтой прессы больше читателей, чем у «Нью-Йорк Таймс». В бульварных газетах пишут об экстрасенсах, о проверенных секретах хорошего секса, о близнецах, что встретились через пятьдесят лет. Люди видят ангелов, внутренний голос спасает их от верной смерти, а преданные коты возвращаются к хозяевам через тысячи миль.

Я обычно покупаю их по пять штук за раз. Мне нравится читать пять разных версий основных заголовков недели. «Глоуб», «Нэшнл Инквайрер» – у кого более правдивая версия? Все дело в подробностях. Кровавый отпечаток чьей-то руки. Миниатюрная перчатка. Письмо, доставленное через семь лет после отправления. Желтая пресса любит сюрпризы – и мы тоже. «Складные» тексты отучили нас от сюрпризов.

Кэролайн позвонила доложить, что ее преподаватель в конце концов сдался и одобрил ее прекрасную и дерзкую работу. Она ликовала.

– А еще знаете что?

– Что?

Она только что написала короткий рассказ в жанре нуар – «просто так».

– Писать «просто так» – веселее всего, да? – спросила я.

– Ага, – ответила она. – Похоже на то.

Вечер, наконец, уgomонился. Кэрол Ломбард ушла спать. Молнии убрели сверкать куда-то вдаль. Уверена, все это – скверный текст. Да, мне понравилось.

Способ приобщения

Перфекционизм – главная причина творческих застоев. Нам хочется писать, но при этом писать идеально. В этом упражнении вы намеренно позволите себе «скверный» текст.

Шаг первый:

Сходите в ближайший газетный киоск. Купите три бульварных издания. Если не окажется откровенно желтой прессы, подойдет любое издание со сплетнями из жизни звезд. Принимайтесь за чтение с ножницами в руках. Вырежьте десять статей, которые вас зацепили. Кто-то выберет истории про экстрасенсов, кто-то – о деньгах или об убийствах и «чернухе». Возможно, одна тема привлечет вас больше других. Скрепите вырезки вместе и положите в папку. Есть ли в них что-нибудь общее? Они приподнятые или унылые? Странные? Извращенные или задушевные?

Шаг второй:

Выделите полчаса. От руки – и как можно быстрее – напишите убедительную бульварную заметку. Выдумайте героев, события и цитаты. Неистовствуйте. Познакомьтесь с инопланетянкой и женитесь на ней. Отыщите своего близнеца. Выживите в схватке с медведем. Выиграйте пять миллионов долларов. Пишите смело и скверно. Строчите без остановки. Когда пройдет полчаса, остановитесь.

Жизнь писательская

За окном моего кабинета лошади нетерпеливо ждут, когда я покормлю их завтраком. Они голодны и капризны – прямо как я, когда не пишу. Писать для меня – аппетитно, радостно. И даже когда мне кажется, что писать неохота или не о чем, это занятие манит меня, как первый теплый весенний день: хочется бросить все и отдаться ему.

Мне доводилось выбираться из постели возлюбленных – к письменному столу. Я сидела допоздна в ночь перед родами дочери, чтобы описать ее появление на свет. Я сидела и писала, а когда начались схватки – точнее сказать, сокращения мышц, такие же таинственные и непроизвольные, как энергия кундалини – я разбудила мужа и сказала: «Пора». Но лишь после того, как записала это «пора» на бумаге.

Давать себе писать – это для меня большое счастье. У меня не всегда получается хорошо, но это и не обязательно – обязательно просто это делать. Это простое и приятное занятие приносит радость – как общение с настоящим другом. Когда я пишу, прорезается то «я», какое всплывает лишь в некоторых дружбах, где мне бывает смешно.

Полагаю, увлеченные психологией могли бы углядеть в любви к писательству склонность к нарциссизму. Но кому какое дело? Я убеждена, что нам предназначено двигаться в мире, любопытствуя, и писательство поддерживает мое любопытство. Это как обмениваться впечатлениями.

Мне не кажется, что текст – это монолог. Скорее – разговор. Писать – значит задавать себе вопросы, которые сами по себе не пришли бы «мне» в голову. Когда «я» пишу, получаю возможность посмотреть на «себя» и на окружающий мир по-новому, увлеченнее.

Поэт Джеймс Навэ называет это «поэтическим зрением». Он утверждает, что оно есть у каждого, если только мы позволим себе увидеть окружающую нас поэзию. Он предлагает сосредоточиваться на одну минуту за раз – на заинтересовавшем нас предмете. У буддистов это называется «жить осознанно». Я зову это «жить сердцем» – «heartfully»: в английском слове heart скрывается не только слово art (искусство), а еще и ear (ухо). Писать – это искусство слышать сердцем.

Я пишу эти строки и замечаю, что имею в виду ту же пользу, о какой говорят, описывая практику медитации. Я «смотрю на мир по-новому», и «озарения сами приходят ко мне».

И хотя приходят они через текст, их последствия не всегда столь же неосвязаемы, как у озарений. Мы уведомляем Вселенную о том, чего хотим, а чего нет, что беспокоит нас, а что радует. Мы сообщаем ей, чего желаем прибавить в жизни, а чего убавить, и перемены случаются благодаря этой ясности. Писать – это и психологическое, и физическое занятие. «Проясняя свои мысли», я буквально обустроиваю заново свою жизнь.

Одна моя знакомая недавно пережила депрессию. Ее любимый человек переехал в другой конец страны. И, казалось бы, забрал с собой ее радость жизни. Она спряталась в постели.

«Мне хотелось лежать под одеялом до конца своих дней, – сказала она мне. – А потом подумала: раз уж все равно лежу, почему бы и не написать что-нибудь? И стоило начать – мне сразу же полегчало. Появилась возможность дать волю чувствам. Наверное, мне просто нужно было буквально переварить случившееся – и писательство дало мне эту возможность».

Моей подруге писательство – переваривание. А для меня – и это, и гораздо большее. Это занятие само по себе пища. Мне нужно ее сколько-то, чтобы быть здоровой. Некоторые предпочитают периодически писать запоем, мне же больше нравится заниматься этим трижды в день. Я пишу в прямом смысле так же, как наслаждаюсь любимой едой – с аппетитом и удовольствием.

Иногда я с упоением описываю событие – или даже его предвкушение. Иногда, будто спелый фрукт, смакую привлекшую меня фразу или мысль.

Недавно я познакомилась с очень высоким и вечно занятым мужчиной с Манхэттена. Вчера мне пришло в голову: «У Дэвида вертикальная жизнь». В том смысле, что дни у него длинные и круты – в них полно работы, и он взбирается по лестнице расписания рывком, как реактивный самолет, достигая чистого неба только к полуночи.

Моя жизнь здесь, в Нью-Мексико, на ранчито размером с кукурузный тако, совсем не вертикальна. Здесь она горизонтальна. С трех сторон я окружена горами. С четвертой, западной, на сотни миль простираются холмы.

Когда пишу, я часто смотрю вдаль, приглядываясь ко всему, что движется в мою сторону издалека: не только на погоду – как дождь шагает по равнине ногами дождя – но и на людей, события, обстоятельства. Я люблю глядеть вдаль. Люблю щуриться на образы того, что еще только появится. Люблю смотреть, как фокусируется все новое.

Фокусироваться – и значит писать. Все начинается с образа, с чего-то, что мне хочется рассмотреть получше. Когда пишу, я как будто навожу резкость на линзах бинокля и записываю все, что вижу. Это описание «кино в голове», как выразилась преподаватель литературного творчества Коллин Рэй. Это значит наблюдать и записывать, а не выдумывать.

Если дать себе замечать, уже не кажется, что пишешь в одиночестве. Это танец между действительностью и нами как наблюдателями. Это верно и для художественной прозы. Как и гора Священная за моим окном существует в реальности, так и все, что мы пытаемся написать, уже существует и вполне реально. Наша задача – откликнуться на зов этой реальности, воспринять ее и описать. Наша задача – быть внимательными.

Мой рыжий арабский скакун, Джек, сосредоточенно смотрит в окно кабинета. Я знаю, ему слышно, как я стучу по клавишам. Он знает, что для него это означает и то, что его скоро покормят, и то, что этого не случится, пока я не закончу. Он так же, как и я, полагается на мое писательство.

«Не знаю, как тебе удастся», – иногда говорят мне, когда я ввязываюсь в очередную творческую авантюру, которая кажется другим слишком рискованной – например, книга в соавторстве с бывшем мужем.

Я просто пишу – вот «как». Так мне удастся и все остальное. Так я усваиваю жизнь. Это пицца для ума и пицца вообще. Если меня настигают трудности, я пишу и на этих дрожжах, и о них.

На этой неделе у меня случился резкий и неприятный разговор с редактором. Один мой текст был значительно и некачественно переписан. Я позвонила,

чтобы пожаловаться. Сказать: «Я уже взрослая. Дайте мне внести свою правку, чтобы текст выглядел моим». В ответ я услышала неожиданное нападение с переходом на личности.

Редактор – это писатель, который не пишет. Я же пишу с радостью и часто. Истинной причиной этого нападения было страдание, смешанное с завистью и язвительностью. Оно было похоже на ядовитый осиный укус, вместе с противным жужжанием. Я отошла от телефона, пошатываясь, как ужаленная. А потом представила себе этого редактора в виде угрюмой и жестокой средневековой горгульи – и написала себе противоядие.

МУЧЕНИК

О мученик. Как горестно брести,

Когда терзает стопы терн.

И жалит, и кровит —

Чего же сам не видишь,

Что об ином пути тоскуешь?

О мученик. Ступаешь по стеклу.

Изранены твои подошвы.

Зачем врановы локоны отсек,

От боли мечешься, а о мечте забыл?

О мученик, я помню, кем до цикуты был ты.

Я помню тебя гордым и лихим.

Пока не выпил ты нектар забвенья,

Блистательным водоворотом

На солнце ты сверкал.

О мученик, что же наделал ты?

Зачем своим же клювом,

Свои же перья ты до крови драл?

О мученик, скажи мне. Назовись.

Поименуй позор свой умолчанья,

О мученик, ты вспомнишь, кто ты есть.

Увидишь долгий рваный свой рубец:

Владей же тем, что сам и совершил, —

За танец на иззубренных камнях босым, в крови

Плати, владей им, все прости себе, вернись домой.

Писательство – это алхимия. Когда я закончила стихотворение и смогла вырваться из тесного умственного пространства обиды в просторное сердце – перестала быть жертвой, врагом, раненым соперником. Я снова стала тем, что я есть, – писателем. Я переварила рану в творчество.

«Никогда не видел ничего подобного, – сказал мне как-то врач. – Вы от травмы немедленно переходите к искусству».

Писать – это лекарство. Это действенное противоядие для душевных ран. Это прекрасный спутник в любых трудных переменах. Поскольку писать – значит не только изобретать, а еще и наблюдать, к переменам можно относиться не только с опаской, но и с любопытством. Когда пишем о них, будто помогаем им свершиться, идем им навстречу. Это позволяет нам переписать свою жизнь.

Однажды моя мама, не подумав о последствиях, заметила моему будущему – патологически ревнивому – мужу: «Джули никогда не расстанется с бывшими».

Это правда, но только потому, что мои бывшие становятся моими старыми друзьями. Отношения похожи на пейзажи – каждый по-своему прекрасен, хотя и меняется в зависимости от времени года. Когда пишу, я помогаю разным персонажам в своей жизни обрести новые сюжетные линии. Благодаря этому

лик любви может меняться, так его можно перерисовать.

Писать можно так же, как оператор использует разные объективы, – что-то увести в расфокус, что-то снять под новым углом. Что-то – покрупнее. А можно захватить целый пейзаж, поместив что-нибудь на передний план. Если писать – значит смотреть кино в голове, то его можно еще и монтировать, можно добавить музыку и закадровый голос.

Одна моя подруга утверждает, что в нашей жизни столько божественного присутствия, сколько мы заслуживаем. Какая страшная мысль! Я немного ее подправила: в нашей жизни столько божественного присутствия, сколько мы можем воспринять. Я – творческий человек и в последние тридцать лет только и делала что проигрывала в голове сюжеты и знакомилась с их героями. Стоит ли удивляться, что мой Бог предпочитает острое развитие событий – входы и выходы, достойные киносценариев? Я пишу, и это помогает мне следить за всем происходящим и наслаждаться тем, что есть.

Когда я познакомилась с Дэвидом, он как будто шагнул из-за кулис и протянул руку. Шагнул из-за кулис...

Когда я писала эту фразу, меня вдруг озарило: а ведь я и сама окружила занавесом свою жизнь. Я не ожидала, что встречу кого-нибудь настолько смелого, кого это не остановит. Ага, интересный поворот, на который я обратила внимание благодаря речевому обороту.

Речевые обороты – как обороты ключа в замочной скважине: они открывают двери, заводят мотор. И ключ, и авторучка помещаются в руке, и достаточно лишь просто движения, чтобы начать двигаться, меняться... Я опускаю авторучку в жизнь, как весло в реку. Прибавляю скорость, меняю направление и глубину. Мои извилины, как и мышцы, обожают брызги и волнение творческого потока. Он несет меня куда-то, но я на ходу определяю маршрут. Могу напряженно ссутулиться или расслабленно откинуться назад. Могу держаться поближе к берегу или броситься в бурное течение в самой середине. Это приключение. И жизнь писательская мне нравится.

Способ приобщения

Нередко мы так хотим жить как писатели, что забываем замечать, что у нас уже есть жизнь, о которой можно писать. Это упражнение поможет вам писать о жизни.

Зажгите свечу. Включите приятную музыку. Засеките пятнадцать минут. Ручкой на бумаге, от руки, опишите что-нибудь из своей жизни, что пытаетесь переосмыслить. Несколько примеров:

- Привыкание к новому начальнику
- Моя злость на сестру
- Начало совместной жизни с бойфрендом
- Беспокойство о здоровье собаки
- Возможность покупки горного велосипеда

Глава 8

Настроение

Нет у меня сегодня настроения писать. Мысли капризны и упрямы. Я сегодня вяла и раздражительна. Писать не хочу. Мое информационное тело кажется мне телом потерявшего форму спортсмена. Пресс продолжил качать исключительно мой внутренний цензор.

И не важно, что я уже тридцать лет пишу ежедневно. Сегодня цензор твердит: «Да что ты вообще знаешь о том, как писать?» Одно я знаю точно: чтобы писать, не нужно ждать подходящего настроения.

Настроение писать – как и настроение заниматься любовью – в длительных отношениях роскошь, а не необходимость. Как и первая ласка может все изменить внутри, так и первая фраза, какой бы робкой и неуклюжей ни была, может пробудить желание двинуться дальше. У всех нас есть сексуальное влечение. И у всех есть влечение писать.

Влечение писать – основной человеческий инстинкт: желание называть, упорядочивать и, в некотором смысле, управлять переживаемым. Влечение писать, то первобытное ликование, что мы испытывали в детстве, когда учили буквы, из которых складывается наше имя, и слова, из которых состоит наш мир, в нашу безумную электронно-телефонную эпоху погребено под завалами.

Электронная почта помогает восстановить равновесие. Люди так любят электропочту, потому что любят писать. Более того, поскольку это мгновенный способ связи, он завлекает избегать своего цензора. Электропочта – писательство понарошку. Нечто случайное, странное, изобретательное. Нечто хулиганское и анархическое, как передавать записки на уроке. Электропочта соблазняет нас писать, потому что она не авторитарна. Можно отправить краткую записку, оборвать мысль на середине: «Продолжу позже». Электронная почта – близость без формальностей. Неудивительно, что она нам так нравится. Она дает нам расслабиться.

Писать трудно, когда нам кажется, что это не Дело Житейское. Когда замечаем, что, сами того не желая, стали придавать ему слишком большое значение, пора учиться договариваться. Я применяю подкуп: «Пишем двадцать минут, а потом можно посмотреть документальный фильм про Генри Миллера».

Элизабет, писатель и редактор детского издательства, договаривается с собой, разбивая планы на мелкие, выполнимые шаги.

«Когда у меня совсем нет настроения заниматься целым проектом, я говорю себе: «Просто включи компьютер и напиши один абзац. И вся недолга». Дописав абзац, Элизабет как правило обнаруживает, что он ведет к двум, к трем, и вот уже небольшой кусок работы сделан, потому что она слукавила, пообещав, что притязает лишь на самую малость.

«Я не говорю, что мой внутренний писатель – глуп, но обмануть и подкупить его легко, – смеется она. – Я говорю ему: “Всего десять минут”, – и пишу все сорок.

Но и балую его тоже – готовлю ему горячий шоколад или покупаю красивые марки для писем, которые предстоит написать. Но самое главное – стараюсь, чтобы писательство ощущалось легкодоступным, будничным».

Моя мама писала каждый день. Я с детства наблюдала, как она выхватывала две минуты, пока варится кофе, еще десять после мытья посуды, пока дети играли на фортепиано и делали уроки.

Мама умерла в 1979 году. За несколько месяцев до смерти она приехала ко мне в гости в Лос-Анджелес. Я тогда только-только бросила пить, разъехалась с мужем, которого все еще любила, недавно родила ребенка и кое-как пыталась заниматься домом, в котором, помимо всего прочего, еще и успевала писать. Вернувшись домой, она написала мне письмо. Я храню его в ящике шкафа в спальне. Я храню его в своем сердце. В этом письме она говорила, что гордится мной, что мой дом показался ей вполне годным, и что ее особенно порадовало, как я справляюсь с родительскими обязанностями. Может, она все это говорила и по телефону, но запомнилось мне именно то, что она написала об этом в письме. Ей все это показалось достаточно значимым, чтобы написать.

Мама была прекрасным примером того, как красота и сила слова – осязаемый знак любви. У нее было семеро детей, и когда мы уехали учиться, она писала нам письма. А еще она регулярно писала своей свекрови, Мими, которая отвечала длинными пространными письмами, и своим сестрам, которые тоже часто отвечали. Письма покидали и навещали мамин письменный стол так же легко, как теперь электронная почта. Она не делала из мухи слона, а просто писала. Постоянно. Мама научила меня, что писать – это именно что Дело Житейское. Берись и все тут.

Если заниматься этим все время, хоть в настроении, хоть без него, это дает нам власть над собственными писательскими способностями. Так мы покидаем мир заклинаний, в котором стоим на скале одни-одинешеньки и вымаливаем у ветра вдохновение – теперь это просто, как взять молоток и забить гвоздь. Литературное творчество может быть и искусством, но в первую очередь это ремесло. Это просто и посильно, постоянно и предсказуемо, как работа по дому – разве это менее романтично?

Мой друг Ричард живет на Венис-бич[11 - Западный прибрежный район Лос-Анджелеса.] и на пляж ходит с блокнотом. Он каждый день плавает с дельфинами, возвращается, вытирается и садится писать. Привычка плавать

помогает ему держать тело в форме. А привычка писать – ум. Он не торгуется с собой ни о первой, ни о второй. Не ждет настроения для заплыва в ледяном океане – или на странице блокнота.

«Я берусь за дело, – говорит Ричард, – и чувствую себя счастливее. Иногда не успеваю поплавать или пописа?ть – и это сказывается на всей моей жизни. Я становлюсь раздражительнее».

Благодаря этим привычкам Ричард приучил себя быть оптимистом. С каким бы настроением ни приступал к занятиям, оно – первый шаг к настроению еще лучше. «Я исправляю мысли делом», – говорит он.

Исправлять мысли делом – значит продолжать писать даже под вопли цензора. Продолжать писать, даже когда это кажется «неуместным» – потому что устали, расстроены, и еще целая куча разных «потому что», которые переменятся, стоит только дать письму вмешаться. Хитрость в том, как дать ему вмешаться.

В последнее время я часто общаюсь с Реджиной, прекрасной пылкой молодой писательницей – ее стихи приходят к ней неожиданно, уже идеально сформированные, как в чудо-родах из желтой прессы. («Я и не знала, что беременна, пока вдруг не родились близнецы!»)

Я говорила с Реджиной о том, как приглашать свои творческие беременности, как прислушиваться, когда что-то шевелится внутри, как звать свою музу на чай по расписанию, чтобы та проверяла, не сделалось ли письмо подопечной менее загадочной, более обыденной.

Реджина хотела бы писать больше, но боится потерять «волшебство» своих стихов, которые навещают ее, как тайные любовники.

Вижу Реджину, как себя саму в зеркале заднего вида, – много лет назад, еще до того, как обязалась писать регулярно и обнаружила, что мое творчество преданно мне не меньше, чем я ему. Романтично представлять себе, будто оно неуловимо и может бросить нас, когда пожелает, как любовник – то холоден он, то горяч.

Творчество – лампа, не свеча. Что-то внутри нас хочет, чтобы мы его написали, так же сильно, как и мы сами. Чтобы понять это, требуется время и терпение.

– А вы просто являетесь на страницу, – советую я Реджине. – Авторучку к бумаге – и вперед, с того, что есть. Начните писать, и что-нибудь непременно появится. Это как щелкнуть выключателем. В сети электричество есть – потечет.

– Но мне ужас как не нравится то, что выходит, когда я так пишу, – отвечает Реджина. – Настолько неловко.

Реджине хочется, чтобы вдохновение охватывало ее всю, сметало ее с ног, овладевало ею. Я понимаю. Иногда и мое вдохновение ведет себя, как разгоряченный любовник – например, вчера, когда я дописывала повесть, – и прекрасно, когда так получается. Но гораздо чаще мы встречаемся на полпути, как пара, которая хочет заняться любовью посреди рабочей недели и не знает, с чего начать.

– Любите все, что пишете, – говорю я ей. – Воспримите свое творчество как нечто постоянное, как возлюбленного, с которым у вас серьезные отношения, а в них бывают удачные дни и не очень, дни ворчливые и счастливые. Пишите как пишется. Относитесь ко всему с любовью – и сами удивитесь результату.

Я рассказываю Реджине, что балую своего внутреннего писателя, покупаю ему дорогие кофейные лакомства с пеной, похожей на облака. Я катаю его на поезде – чтобы можно было писать и наслаждаться видами. Я покупаю ему красивые блокноты, шикарные авторучки, вышитое кресло – его можно поставить у окна, где свет лучше. Я пытаюсь не запугивать его, не нападать. Я не заставляю его писать исключительно то, что нужно, без того, что хочется. Он научился доверять мне, наслаждаться моим обществом и отвечать мне взаимностью.

– Знаете, – как-то раз говорит мне Реджина, – иногда я пишу, когда у меня совсем нет настроения, и когда читаю написанное позже – получается очень даже ничего. Как так?

Я отвечаю, что перепады настроения бросают тень на наши тексты, как пробегающие по небу тучи. Они омрачают восприятие прекрасного пейзажа и обманом заманивают в уныние.

– А на другую сторону они могут заманить? – любопытствует Реджина. Она молода и во всем выискивает подвох.

- Наверное, но это случается реже, к тому же, это нетрудно исправить, - отвечаю я, не желая идти на поводу у ее страхов.

- Терпеть не могу править, - фыркает она.

- А вот я люблю, - парирую я. - Мне нравится смотреть, как растет уровень моего ремесла.

- Ремесла! - Реджина закипает, едва услышав это слово. Ей хочется заниматься «Искусством», с большой буквы.

- Читайте это хитростями, если хотите, - говорю я.

Хитростям люблю короткие абзацы в одно предложение. Повторения. Диалоги вместо описаний. Описания - вместо диалогов. Образы, чтобы разбавить факты. Факты, чтобы разбавить и заземлить искрящуюся цепочку образов.

- Хитрости - это унинительно, - заявляет она.

- Представь себе, что это просто разные позы, - советую я. Она в том возрасте, когда ее увлекает все, что хотя бы намекает на секс.

- Это вы пытаетесь меня обхитрить, - жалуется она.

- Хитрости действенны, - берусь поучать я, старшая и мудрая. - Мой внутренний писатель - немного парижанин, немного декадент, он любит назначенные свидания на закате дня - так у меня получается вызывать у него подходящее настроение.

- Да вы попросту советуете сесть и начать писать, - наконец, выпаливает она.

- Пожалуй, вы правы, - признаюсь я. - Как начнете - так и увидите, как легко втянуться.

- Хм.

– Очень трудно писать так, чтобы при этом не улучшилось настроение.

– Хм.

– Я вас не уговариваю. Пробуйте сами.

– Знаю, знаю. И, скорее всего, вы правы!

Да, я права.

Мои лошади пристально смотрят на меня в окно кабинета. Им мое писательство – разновидность работы по дому, нечто предсказуемое. Солнце поднимается над горой, их хозяйка просыпается, варит кофе и садится писать. Их загон в пятнадцати футах от моего окна, так что им все хорошо видно. Сегодня Джек Мерлин, мой ярко-каштановый арабский скакун, названный в честь сыщика из романов Джеймса Такера[12 - Джеймс Н. Такер – современный американский писатель и врач, автор детективной трилогии/медицинской драмы с элементами мистики о докторе Джеке Мерлине.], жует траву у ограды. В последние пару дней он уже не раз забирался куда не следует и подъедал свежие побеги с моего крошечного газона. Это запрещено и потому так притягательно.

А я все пишу, потому что мне с этого потеха. Если помните, сегодня то самое утро, когда мне писать не хотелось. Фразы у меня выходили не менее капризными, чем мои лошади. А вот теперь солнце из-за горы поглаживает разноцветную гриву Каролины. Она чешет голову об ограду и прислушивается, наострив уши. Мне всегда казалось, что звук хорошей пишущей машинки напоминает частый стук копыт Чико – пони, что был у меня в детстве.

Сегодня мне не хотелось писать. Но я рада, что все равно это сделала.

Способ приобщения

Все мы иногда совершаем распространенную ошибку – думаем, что для писательства нужно «правильное» настроение. На самом же деле писать можно в любом настроении. Любое сгодится. Хитрость в том, чтобы войти в него, как в

комнату, усесться поудобнее и начать писать. Попробуйте провести вот такой эксперимент.

Засеките пятнадцать минут. Найдите что-нибудь в своей жизни, что вызывает у вас определенное чувство или настроение. Например:

- Сержусь на партнера
- Люблю осенние листья
- Грущу, что маме нездоровится
- Горжусь успехами сына в школе
- Мне нравится Лорино чувство юмора
- Мы сейчас особенно хорошо уживаемся с любимой

«Погрузитесь» в это чувство и десять минут пишите о нем от руки. Когда время выйдет, остановитесь. А потом засеките еще пять минут и напишите, как изменились ваши ощущения благодаря тому, что вы о них написали. Просто наблюдайте: мне стало легче, грустнее, веселее, я злюсь еще больше – или меньше, вижу проблески надежды, чувствую себя решительнее – что угодно. Сделайте несколько заметок, как в полевом дневнике.

Глава 9

Драма

«Пусть драма будет только на бумаге».

Я знаю, что у многих писателей есть уйма требований к условиям, в которых они готовы работать – и чаще всего это отдельная комната. У меня такие были, и мне нравится в них трудиться, но еще чаще мне приходилось писать за кухонным столом, на коленке в несущейся по шоссе машине, в оживленном кафе.

Не хотелось бы спорить с Вирджинией Вульф, дамой твердых убеждений, но все же рискну: она считала, что нам непременно нужна отдельная комната, чтобы можно было оставить за дверью чужие нужды, планы и невзгоды и сосредоточиться на творческом процессе. Иными словами, она советует отдать «всю драму бумаге».

Конечно, в физическом смысле можно захлопнуть дверь и отгородиться от окружающего мира – или хотя бы отгородить от него наши тексты. Но все мы знаем, что такой барьер имеет смысл, коли приносит пользу. Если мы все еще расстроены тем, что произошло за его пределами, писать все равно будет трудно. И поэтому уловка тут такая: захлопываем не физическую дверь, а психологическую – такую, что по-настоящему прячет нас от окружающих и их планов.

Я написала немало сценариев, пока моя дочь Доменика сначала ползала, а потом и училась ходить, путаясь у меня под ногами. Я отвечала на звонки, меняла пленки, утихомиривала истерики, вытирала пот со лба, умилялась кукольным одежкам, играла в переодевания – и продолжала писать. Иначе говоря, я всегда стояла по колено в потоке жизни – и в потоке слов.

Как мне это удавалось?

Я договорилась сама с собой – следить, чтобы вся драма доставалась бумаге.

Этот уговор, хоть и простой с виду, – ключ к безмятежности и писательскому успеху. Привычка говорить себе, когда драма подымает голову: «Я подумаю об этом позже – когда закончу писать».

Пока я пишу эти строки, двое самых близких моих друзей выясняют отношения. Оба регулярно звонят мне с жалобами и ультиматумами. Я отвечаю: «Давайте не будем раздувать конфликт. Помните: вы – порядочные люди».

Я говорю это мягко, с заботой. Я как примиритель из романов Джейн Остен. Все это хорошие новости. «Не забывайте, что вы любите друг друга. И раньше, и теперь. Все это скоро закончится», – напоминаю я.

Именно так, и больше ни слова: безупречная беспристрастность, ни на чьей стороне.

Потому ли это, что я – Святая Джулия?

Отнюдь. Про себя я говорю: «Вот дураки. Займитесь уже чем-нибудь полезным вместо склок. Например, напишите что-нибудь».

Прислушиваясь к собственным словам, я сажусь за стол и пишу. Пишу, несмотря на ссору лучших друзей. Пишу, несмотря на письма адвокатов, мелькающих, как реактивные самолеты. Я пишу, потому что у меня правило: всю драму – бумаге.

Можно заподозрить меня в безжалостности. Но это заслуженная безжалостность – еще как. Я на личном горьком опыте знаю: стоит ввязаться в личные драмы, и они высосут из меня все силы и соки, их уже не хватит на то, чтобы писать – а я не могу себе этого позволить.

Для писателя личная драма – глоток творческого яда. Для писателя добровольное участие в выяснении отношений – творческий саботаж.

– Это все он! – кричит моя подруга.

– Это все она! – кричит друг.

А я тем временем осторожно держу равновесие посередине.

– Я сейчас не готова во все это ввязываться. Уверена, вы и сами разберетесь. Мне пора писать.

И мне действительно «пора». Это еще одно понятие, усвоенное за эти годы. Каждый день состоит из множества мгновений. И каждый миг перед нами выбор:

Писать двадцать минут или провисеть на телефоне, работая жилеткой?

Погулять двадцать минут с собаками, размышляя о сюжетных линиях, или сказать себе, что гулять некогда, а потом позвонить сестре и пожаловаться, что я живу не своей жизнью?

Отдать всю драму бумаге или же отдаться ей, чтобы она помешала мне писать?

Один из моих любимых фильмов – «Двадцатый век» [13 - «Twentieth Century» (1934) – американская бурлескная комедия реж. Хауарда Хоукса.]. Джон Бэрримор там играет безжалостного театрального импресарио. И всякий раз, когда кто-нибудь переходит ему дорогу, Бэрримор шипит: «Вот крысеныш... Захлопну железную дверь».

Когда железная дверь захлопнута, человек или задача перестают для него существовать. Остается исключительно задача театральной постановки, над которой он в ту минуту размышлял. Другими словами, он безжалостный и сознательный эгоист.

То же самое можно сказать и про мое правило оставлять драму бумаге. Это практика творческой самодостаточности, благодаря которой роскошь отдельной комнаты становится вопросом удобства, но не необходимости.

– У нее сорок восемь часов, чтобы извиниться передо мной, а не то...

– Уверена, все наладится. Вы взрослые люди.

– Он нет!

– Она нет!

– Хм. Мне пора писать.

И на этом я отправляюсь на встречу с чистой страницей. Я захопываю железную дверь. Отказываюсь вмешиваться в чужие выяснения отношений, если только это не служит моим личным целям. Я делаю, что говорю: спихнули на меня драму – и ее, и вас перенесу на бумагу.

Способ приобщения

Драма в жизни нередко мешает нам запечатлеть драму на бумаге. Иногда она случается, и мы теряемся в собственном эмоциональном ландшафте. Когда это происходит, необходимо наладить связь со своими эмоциями – с помощью строк. Сформулировать, какой была наша жизнь до, во время и после. Этот метод – личное противоядие от чрезмерной драмы.

Засеките полчаса. Сядьте поудобнее. Пронумеруйте строки от первой до сотой. Теперь запишите сто предметов и действий, которые вы лично любите. Например:

1. Малина
2. Пионы
3. Нью-Йоркская пицца
4. Запах сосны
5. Кружевные подушки
6. Поэзия Руми
7. Грузовики «Мак»
8. Лаймовый пирог
9. Мария Каллас
10. Ревень

11. «Аве Мария» Шуберта

12. «Мессия» Генделя

13. Эммилу Харрис[14 - Эммилу Харрис (р. 1947) – американская кантри-певица, автор песен.]

14. Летать

15. Лошади, особенно паломино

...

Храните копию этого списка в бумажнике или в ящике стола. Когда случается стресс, перечитывайте список. Вы мгновенно почувствуете себя лучше, вне зависимости от происходящего.

Глава 10

Доска позора

Давайте-ка я вам расскажу, как я использую драму в личных целях.

Переживая агонию публичного голливудского развода, я неожиданно для самой себя стала получать по почте от так называемых «друзей» газетные вырезки с подробностями из жизни моего мужа-прелюбодея. Едва став знаменитостью, он сбежал с моей очень знаменитой подругой. К чему мне читать об этом?

Может, им казалось, что «любые новости хороши». Или что мне все равно, лишь бы мою фамилию написали без ошибок. Лично мне эти письма показались садизмом. Неужели они не понимают, что знаменитостям бывает так же больно,

как и всем остальным? Измена все равно остается изменой.

И даже само слово «вырезка» приобрело зловещий оттенок. Как будто мне вырезали крылья, а также сердце, гордость и, будь я мужчиной, – добавила бы в этот список кое-что еще.

«Отвергнутая, одураченная жена», – ох и представление о себе! Тем не менее так и было написано – черным по белому.

Но глаза мне застилало красным.

Поздно было думать: «Они не посмеют» – они уже посмели. Теперь приходилось спрашивать, что мне делать со всем этим. Как все исправить? Для начала – написать обо всем, решила я. А если точнее – написать сценарий фильма, включив в него все темы, с которыми мне пришлось столкнуться в собственной жизни: любовь, дружба, предательство и месть. Чтобы облегчить себе задачу, я изобрела новое писательское подспорье: Доску Позора.

Вместо того чтобы сжечь, выбросить или схоронить те вырезки в дальнем ящике и попытаться забыть о них или перестать обращать внимание, я напомнила себе, что эмоции – топливо и что вполне можно задействовать свои обиды в письме. Моим рабочим местом в то время служил небольшой стол XVIII века. Он стоял у створчатого окна с видом на сад, а на муслиновые занавески я прикалывала газетные вырезки. Я садилась писать, очумев от боли, и думала: «Я так больше не могу. Я этого не выдержу».

«Сможешь, куда ты денешься, – шептал мне тоненький голосок. – Пиши им назло! Им тебя не сломить».

Прислушиваясь, я смотрела на вырезки: вот мой муж танцует со своей новой любовницей – которая еще недавно называла себя моей подругой. Они танцуют щека к щеке, а у меня – адреналин в кончиках пальцев. Тлеющий гнев и обида стали пеплом, из которого воскресал феникс. День за днем, страница за страницей, я продолжала поглядывать на Доску позора – и писать сценарий. Всего через несколько дней после того, как он был готов, мой агент продал его киностудии «Парамаунт». В моем случае Доска позора в прямом смысле закрыла занавес моей прошлой жизни.

Вы тоже можете применить отрицательные переживания как созидательное топливо. Хотя в основу моего сценария легли боль и гнев предательства, вскоре он заиграл новыми красками, затронул новые темы. Герои, списанные с живых людей, вскоре заявили о своих правах, стали гражданами своего мира, в создании которого они участвуют больше моего. Словом, нет ничего зазорного в том, чтобы начать писать, чтобы «показать им всем», потому что рано или поздно вы покажете – самому себе – свое желание и способность творить. И чем дальше, тем все невозможнее вязнуть в автобиографических подробностях, потому что параллельные сюжетные линии непременно придут в голову – и на бумагу.

Мой друг Трент – писатель-публицист с уклоном в политику. Его книги – развернутые, замысловатые исследования борьбы между властью и имущими и неимущими. На писательском поприще Трент – настоящий солдат. День за днем, год за годом он продолжает трудиться, бросая все силы на борьбу за правое дело. Как писатель Трент неудержим – и источником его вдохновения является его личная разновидность Доски позора.

Трент хранит вырезки всех статей, что вызывают у него гнев и питают его гражданскую позицию. Папки с вырезками пополняются регулярно, и он обращается к ним за помощью, когда не чувствует вдохновения. Когда не пишется, стоит ему заглянуть в папку – как можно тут же возвращаться за письменный стол: он вновь заряжен возмущением социальной несправедливостью.

Сценарист Хауард написал о том, как сам переживал пытку адского, душераздирающего развода. Отвергнувшая его жена проявилась в тексте как живая – из дипломатических соображений он изменил лишь ее рост, вес и цвет волос. Сценарий, в основу которого лег развод, оказался одним из самых потешных на моей памяти. Его мучения, обращенные в текст, оказались мучительно смешными.

«Мое домашнее видео за десять миллионов» – так один знакомый мне режиссер называет свое творение, драму об отношениях, слепленную из адских летописей и номинированную на Оскар, насколько я помню.

Так что да, писать из мести – я «за». Писать, чтобы «показать им всем». Обратите окалину разочарований в золото достижений. В конце концов «показываете» вы в первую очередь самому себе.

Способ приобщения

Если закапывать травмы поглубже вовнутрь вместо того, чтобы признать их, они приводят к творческому застою. Скрываясь в подсознании, они «непостижимо» лишают нас творческих сил. Если же направить на них свет сознания, этих творческих злодеев можно одолеть. Предлагаю вам подспорье в борьбе с ними – с помощью текста. Оно поможет отыскать подходящих героев для Доски позора и справляться с их влиянием.

Шаг первый:

Засеките полчаса. Пронумеруйте строки от одного до трех. Оглядываясь на свою жизнь, запишите имена троих человек, которые сыграли в ней роль творческих чудовищ, т. е. тех, кто критиковал, недооценивал ваше творчество или мешал вам заниматься им.

1. _____

2. _____

3. _____

Снова пронумеруйте строки от одного до трех. Теперь запишите имена троих человек, которым вы бы хотели «показать». (Здесь имена могут повторяться).

1. _____

2. _____

3. _____

Шаг второй:

Перепишите следующие предложения с собственным именем.

1. Я, (имя), способен достичь успеха независимо от того, что об этом думают мои творческие чудовища.

2. Я, (имя), готов предоставить (имя), (имя) и (имя) их судьбе. Я успешно воплощаю свою.

3. Я, (имя), готов применить собственный гнев с пользой, направив его на то, чтобы письменно разделаться с яростью, раздражительностью и отрицательными переживаниями.

Можете повесить эту декларацию независимости на видное место – или приклеить в ящике стола.

Глава 11

Ценим свой опыт

Мы не видим собственной величины. Неспособны дать себе точную оценку. Мы гораздо лучше, прекраснее, глубже, а творческое начало в нас развито сильнее, чем мы признаем или понимаем.

Мы не отдаем должного тому, чего могли бы достичь – и даже тому, чего достигаем. Мы не видим собственных дарований, не слышим своего голоса. Не

замечаем собственного величия. Отчего же?

Пытаясь оценить себя, мы нередко ищем одобрения у окружающих. И если то, что мы делаем, их пугает, они не в силах нас одобрить. Если мы задумали что-то слишком запредельное для них, они не смогут поддержать нас.

А когда люди не видят цельную картину того, что мы пытаемся сделать, они выколупывают какую-нибудь мелочь и дальше ковыряют ее одну. Многим из нас доводилось наряжаться, чтобы куда-нибудь пойти, и чувствовать себя неотразимо, и тут кто-нибудь – родитель, друг, няня – смахивает невидимую пылинку с нашего наряда. «Обирание пылинок» – внимание к мелким несовершенствам, а не к красоте всей картины целиком.

Мы, писатели и творческие люди, нередко сталкиваемся с такими «обирателями пылинок». Большинство учителей – не все, но большинство – охотятся за пылинками, оценивая ученические работы. Все грамматические ошибки подчеркнуты красным, а где же пометка: «Отличная фраза! Прекрасно развита тема»? Мало кто из нас получает такие похвалы, большинство – никогда.

Сегодня я говорила с молодым драматургом, который недавно написал восхитительную пьесу, да к тому же и поставил ее на сцене, чтобы увидеть живьем. Пьеса чудесна, продуманна, блестящая работа. Срежиссирована гибко, точно, сообразно. Что же делают его завистливые друзья? В основном ищут пылинки. Как писателю понять величие созданного им произведения, если замечания относятся только к творческой пыли? Как оставаться в меру малым и в меру большим, чтобы творить?

Мы обязаны быть достаточно малы и скромны, чтобы всегда продолжать быть новичком, наблюдателем. Мы обязаны открываться опыту – новому опыту, новым источникам знаний и озарений, но при этом не забывать: все, что мы уже пережили, достойно внимания и уважения. Словом, необходимо быть и достаточно великим – для понимания, что любые критические замечания, любые отрицательные отзывы, правдивые или нет, должны восприниматься в свете общей картины: мы создали нечто и собираемся создавать еще – больше, а возможно, и лучше. Иначе говоря, как быть одновременно и в меру уязвимым, и в меру жестким, чтобы выжить?

Часть ответа на этот вопрос – в том, что некоторые по ошибке называют «дисциплиной». До чего неблагоприятное слово – и до чего неподходящее. Насколько более уместно слово – или даже понятие – «распорядок». Необходимо организовать творческий распорядок – привычку, нечто посильное, ежедневное, на что можно опереться. Лично я пишу по три страницы от руки каждое утро. Времени занимает немного, зато меня занимает глубоко. Закончив писать, я иду кормить и поить лошадей – и себя заодно, а затем сажусь и пишу пару страниц чего-нибудь еще.

Такой вот парадокс писательства: тексты, которые мы пишем между делом, мимоходом, потом оказываются ничем не хуже тех, над которыми мы трудились изо всех сил, убежденные в их ценности и достоинстве.

В конце концов качество текста мало общего имеет с тем, легко вам было его писать или трудно. Хорошие тексты могут родиться и в день, когда вам «не пишется». А бывает, что, наоборот, «пишется», а потом приходится переделывать, чтобы получилось что-нибудь приличное. Смысл в том, чтобы ценить все свое написанное, и научиться не поддаваться минутному настроению и не спешить с оценками. Уж очень часто бывает так, что разорванные в клочья страницы отражают наше состояние, а не ценность их содержимого.

А компьютер с его смертоносной клавишей «Delete» нужно рассматривать как явного и подлинного врага. Иногда, удержавшись от искушения отправить какой-нибудь черновик в небытие, мы извлекаем из «корзины» вполне хорошие тексты.

«Меня иногда поражают мои же собственные тексты, которые писались на бегу, в дневнике, – рассказал мне Алекс. – Собрался я выбросить старые дневники, а то их накопилось слишком много, но решил сначала заглянуть в них. Я обалдел. Там было столько прекрасных идей и несколько отличных отрывков. С одной стороны, конечно, хорошо, что мне так легко пишется, что можно просто сесть и что-нибудь набросать, но не хотелось бы так же легко выбрасывать написанное».

Я пишу утренние страницы без малого двадцать лет. И хотя искусством они не считаются, искусство нередко рождается благодаря им. Мой мюзикл «Авалон» начался с единственной фразы, с приманки: «Было бы забавно написать мюзикл о Мерлине». Многие мои ученики рассказывали мне о своих творческих приключениях, которые начинались именно так – с одной строки, с

неожиданного озарения, преданного бумаге. Кэти, музыкант, записывая собственный альбом, получила от страниц напутствие сменить его направление на более близкое ей. Результат ее работы был признан «прорывом», и своим рождением он обязан тому, что практика ежедневного письма научила Кэти ценить свой опыт.

Ценить свой опыт – не самолюбование. Не бесконечная зацикленность на себе. Скорее это способность быть активным свидетелем самому себе и окружающему миру. Осознанно наблюдать – благородный поступок, признание самому себе, что жизнь, по сути, – священнодействие, и нам видна лишь его тень, но не черты. Все сильнее ощущая ценность мимолетных мгновений, мы начинаем осознавать и собственную мимолетность.

Способ приобщения

Писать – лелеять себя. Мы обычно пишем с большей радостью и глубиной на темы, волнующие нас сильнее всего. Это упражнение – подсказки к вашей системе ценностей.

Засеките час. Выведите себя из дома куда-нибудь, где приятно писать. Это может быть кофейня, а может и церковь, синагога или библиотека. Сделайте заготовку для списка из пятидесяти пунктов. Перечислите пятьдесят дел, которыми гордитесь, – любых, от мелких до самых крупных. Например:

1. Переезд в Нью-Йорк
2. Написание одноактной пьесы
3. Отказ от алкоголя
4. Что поздравляю его с годовщиной свадьбы

5. Окончание института
6. Мой рецепт коржа для пирога
7. Общий язык с собаками
8. Отношения с мамой
9. Мой дизайн новостной рассылки
10. Сбросила десять фунтов и не набрала опять

В последующую неделю перечитайте на досуге этот список несколько раз. Что он говорит вам о том, что для вас важно? Быть может, вы цените в себе смелость, отзывчивость, физические приключения – или умственные, внешнюю предприимчивость или внутреннее осмысление. Узнав, какие события оказались для вас важными, вы поймете, какие стоило бы повторить, а о каких к тому же стоило бы написать.

Глава 12

Приметчивость

Я верю в приметчивость. Доверяю ей. Приметчивость – как дыхание: вдох за вдохом, из которых и состоит жизнь. Одно событие, одна мысль, одно слово следует за другим. Из них и состоит жизнь писателя.

Чтобы писать, нужно жить. И примечать. Писать – значит видеть, слышать, чувствовать, обонять, осязать. А не только думать. Мы полагаем, что «писатели» должны быть «умными». Хотя вообще-то мы под «умом» подразумеваем «хитроумие». Все знают, что такое хитроумие – поворот фразы, как «мазерати» на полном ходу, ловкое словцо, найденное так споро и изящно, не нам тягаться.

Да, можно писать и так, зрелищно, однако можно и по-другому.

Вернитесь к дыханию – к тому, как оно поддерживает в нас жизнь. Нам и думать о нем не приходится. А когда пытаемся, может показаться трудным, потом легче, любопытнее, а еще чуть погодя уже спокойно, надежно, сосредоточивающе. Когда даем себе писать, ощущаем нечто очень похожее. Изысканность не обязательна. Достаточно и постоянства, размеренности. Это уже вполне глубоко. Оно поведет нас еще глубже.

И как же пойти глубже? Когда пишем регулярно и размеренно, стремимся примечать детали. Сосредоточиваемся на прокладывании пути, а промежуточно следим за дыханием. «Замечаем» пришедшее в голову точное слово. Применяем найденное – и «замечаем» следующее. Наша задача – прислушиваться, наблюдать за тем, что приходит, и записывать.

Я люблю писать по утрам, но сегодня, в День матери, за письменным столом я провела полдня. За окном моего кабинета настойчиво щебечут птицы – а сейчас вдруг перестали. На невысоком дереве свила гнездо сорока. Оно такое большое и неустойчивое, что в грозу я за него беспокоюсь. А потом напоминаю себе: «Сороки знают, как лучше. Они заняты своим делом».

Дашь себе писать – тоже узнаешь, как лучше. Мы знаем, как лучше писать, потому что заняты своим делом. Чем больше им занимаемся, тем более «своим» это дело становится – и тем проще дается: как и забивать гвоздь проще, если возиться с этим чаще, чем по праздникам, когда нужно что-нибудь починить.

Многие привыкли писать только в порядке починки чего-нибудь. Мы «чиним» себя, подчиняясь бумаге (по-моему, я тут «вписалась» в поворот) – выплескиваем на страницу острую боль и смотрим, можем ли выразить сильные переживания: гнев, страсть, негодование, удивление, любовь – в особенности любовь. Любовные письма существуют как отдельный жанр именно потому, что эмоции заставляют нас писать. «Не знаю, как тебе сказать», – пишем мы...

Но ведь знаем же, как. Узнаем, если дадим себе узнать. Если позволим себе приглядеться.

Приглядеться в писательстве означает взять нечто общее и присмотреться к нему поближе. «Я нормально отношусь к этому» превращается в «Мне это не

очень-то нравится, но и не могу сказать, что совсем не нравится. Я разочарован и не хочу больше вмешиваться. Попахивает унынием, хотя, надеюсь, это пройдет».

Иногда, или даже часто, приметчивость – это просто факты. «Лошадь» превращается в «маленькую гнедую лошадку с белой звездой и легким хвостом». Каждый факт добавляет достоверности. Читатель верит нам, потому что мы делимся с ним множеством подробностей – он же смотрит нашими глазами.

Бывает и чувственная приметчивость. «Жарко» или «холодно». «Светло» или «темно». «Аромат» или «зловоние». Наши чувства дают читателю «почувствовать» то, о чем мы пишем.

Иногда приметчивость бывает тоновой. Комната «элегантная» или «уютная». Голос любимого «теплый» или «отстраненный». Небо «просторное» – или «гнетущее».

Бывает, приметчивость – в глаголах. Лодка «режет» воду или «скользит» по ней. Кот «прыгает» или «набрасывается». Телефон «звонит» или «трезвонит».

Писать – значит делать выбор, и можно сделать его в пользу чего-нибудь общего, потеряв при этом доверие читателя, а можно в пользу чего-нибудь конкретного, и тогда читатель снова поверит нам. Подробности позволяют нам точнее передать, что мы имеем в виду.

Лично мне писать пристально легче, если я представляю себе, что пишу для кого-то определенного, кто хорошо меня понимает. Часто писателям советуют не думать о читателях, но, мне кажется, этому совету затруднительно следовать. Тогда читатель становится чем-то призрачным и бесформенным. А как с этим чем-то общаться? И не жеманность ли – не обращать на это нечто никакого внимания?

Пусть ваш читатель будет живым человеком – возлюбленным, лучшим другом, коллегой, кем-то, кто понимает ваш юмор, и кому нравится, как вы мыслите. Пусть этот кто-то не будет слишком придирчив, пусть он любит жизнь во всех ее красках. Такому понравится ваша приметчивость. Вот и попробуйте писать с точностью – для этого человека. Это поможет вам выразиться

целенаправленнее и сосредоточеннее. И поможет сохранить чистоту намерения.

В практике пения многого можно достичь, владея техникой исполнения. Однако нечто неуловимое проявляется, когда певец исполняет «с любовью». Это намерение делает голос таким неуловимо и безошибочно чистым. То же очищение происходит, когда пишем с любовью. Удивительно, но чем более личным, целенаправленным и точным делается ваше письмо, тем доступнее оно читателю.

И хотя мы редко воспринимаем внимание к деталям с этой точки зрения, оно – свобода. Называя вещи своими именами, именно так, как их видим, мы освобождаем свои произведения от недоразумений, двусмысленности, неясности. В основе своей писательское ремесло – это труд любви, а когда мы занимаемся им осознанно, целенаправленно, с душой – на нас нисходит еще и благодать. Мы – а также наши читатели – ощущаем, как сквозь наши творения ведет повествование нечто большее, чем мы сами. И это нечто большее – без кого ни одна птица малая не упадет на землю[15 - Отсылка к Матф. 10:29.] – побольше нашего умеет ценить приметчивость.

«Бог в деталях», – сказал Людвиг Мис ван дер Роэ[16 - Людвиг Мис ван дер Роэ (1886–1969) – немецкий архитектор-модернист, представитель интернационального стиля; выражение восходит к французскому писателю Гюставу Флоберу (1821–1880).]. Когда пишем точно, в подробностях, встречаемся не только с самими собой, с собственной истиной, но и с той, на которой держится все искусство и все общение. Мы предстаем перед фактом: какими бы отделенными друг от друга мы себя ни чувствовали, тем не менее мы – Одно целое. Именно это и сообщает нам все, написанное по-настоящему, – подробно, приметливо.

ПОСЛЕ ДОЖДЯ В ДОЛИНЕ ТАОС[17 - Долина близ города Таос на севере штата Нью-Мексико.]

Облака пасутся в небе, могучие млекопитающие,

Щиплют траву на холмах.

Так белы, пушисты, нежны —

И громадны, что съестъ могли б меня.

Способ приобщения

И хотя мы привыкли думать, что писать – это линейный процесс, письменная речь все-таки очень визуальный вид искусства. Даже если пишем о внутреннем опыте, все равно применяем образность. Именно поэтому запасы образов нужно осознанно и регулярно пополнять. Для этого необходимо сосредоточиться на том, что нас окружает. Эта методика не требует от вас создания высокого искусства или серьезных литературных произведений. Это просто упражнение в умении наблюдать.

Шаг первый:

Засеките час времени. Подготовьтесь писать – дома или вне его. Пронумеруйте строки от одного до десяти. Перечислите и опишите десять предметов, которые видите. Какие ассоциации, пусть даже самые нелепые, рождаются у вас при взгляде на них?

Например:

1. Серебристая кофеварка-эспрессо. Замысловатая конструкция ее деталей напоминает мне о фильме «Метрополис»[18 - «Metropolis» (1927) – немой фильм-антиутопия немецкого реж. Фрица Ланга.].
2. Тонированное зеркало. У меня оно ассоциируется с борделями, салонами и сексуальным декадентством.
3. Официантка в белой рубашке. У меня она вызывает ощущение сладости неспешной жизни. Напоминает о картинах Эдварда Хоппера[19 - Эдвард Хоппер (1882–1967) – американский художник-урбанист, мастер жанровой живописи.] и бульварных романах, вроде «Почтальон всегда звонит дважды»[20 - «Почтальон всегда звонит дважды» (1934) – детективный роман американского журналиста

и писателя Джеймса Мэллена Кейна (1892–1977).].

Шаг второй:

Перечислите и опишите десять личных вещей, которые для вас заряжены эмоционально. Опишите не только сам объект, но и то, о чем он вам напоминает.

1. Винтажный плакат с цирковыми акробатами. Он связан с воспоминаниями об отце и последних годах его жизни в городке Лонг Боут Ки неподалеку от зимней резиденции братьев Ринглинг[21 - Лонг Боут Ки – город на западном побережье штата Флорида; Братья Ринглинги – цирковые артисты и антрепренеры, в 1882 г. основали цирк, который позднее слился с цирком Барнума и Бэйли, существует до сих пор. – Прим. пер.].

2. Голубой с белым китайский кувшин, украшенный драконами. Мой «божий кувшин». Я купила его в китайском квартале Лос-Анджелеса в конце 1970-х, когда только бросила пить и нуждалась в помощи со множеством разных забот. Я записывала их на клочке бумаге, опускала в кувшин – и наблюдала, как позднее они разрешались, словно в ответ на мою молитву.

3. Вырезанная из камня фигурка совы, оберегающей птенцов. Это мне напоминание о таинственных высших силах, что покровительствуют моей жизни.

Осознанно и приметливо соединяясь с тем, что нас окружает во внешнем мире, мы устанавливаем более точную и эмоционально насыщенную связь с собственным внутренним миром. Это придает написанному богатый тембр.

Глава 13

Корпус опыта

Говоря о «корпусе текстов» писателя, мы редко отдаем себе отчет, каково буквальное значение этих слов – тело опыта. Мы думаем о писательстве, как о чем-то бестелесном, умственном, потому что мы «думаем» о нем, забывая, что на самом деле мы с ним встречаемся, сталкиваемся; редко осознаем мы, что писательство, как и любое другое искусство, – воплощенный опыт.

Когда мне приходится работать с запутанным сюжетом, я распутываю его гуляючи. Гуляю и размышляю. И это не «думание» о написанном – скорее, мой ум задает вопрос телу. Тело, владеющее знанием более глубоким, чем ум, способно отвечать мне – и как художнику, и как человеку. Когда речь идет о поиске творческих решений, мой ум, как чей угодно еще, бывает похож на комнату кривых зеркал, на лабиринт со множеством тупиков.

Композитор Майкл Хоппе[22 - Майкл Хоппе (р. 1944) – англо-американский композитор и продюсер, автор музыки к кинофильмам, сотрудничал с Вангелисом, Ж.-М. Жарром.] ежедневно ходит на пробежку в поисках новых мелодий. Он ищет мотивы, что выются вдоль улиц Лос-Анджелеса – точно так же, как и по всей нашей зеленой планете. Если настроиться на тело и отправиться их искать, мы тоже сможем их услышать. Хоппе ищет свои мелодии во время долгих пробежек трусцой. Они рождаются нота за нотой, как и текст.

Моя подруга Натали Голдберг[23 - Натали Голдберг (р. 1948) – американская писательница, преподаватель, автор книги по писательскому мастерству – бестселлера Writing Down the Bones (1986).], писатель и художник, ходит на долгие прогулки по заросшей полынью пустыне. Пейзаж отвечает ей на вопросы. Мой друг Джон Николз, писатель, фотограф и эколог, каждый вечер на закате взбирается на небольшую гору. Этот подъем возвращает его в тело – и в тело работы. Придя домой, он пишет всю ночь до рассвета. Так выглядит его рабочий «день».

Когда я пишу музыку – мелодию и текст – люблю кататься на роликах. В то лето, что я жила в Лондоне и писала мюзикл «Авалон», я каждый день, а иногда и по два раза, выбиралась в Риджентс-парк. Именно там, разъезжая среди каналов, по которым скользят королевские лебеди, я напевала отрывки на диктофон, пока мои ролики – штрих, штрих, словно авторучкой – выполняли за меня писательскую работу.

Нам известно, что британские поэты-натуралисты любили гулять пешком, но мы редко вспоминаем о том, что в стихотворениях тоже бывают «тропы», а прогулки были частью их творческой тропы. Читая Роберта Фроста, мы не задумываемся о том, насколько важными были прогулки для его поэтической жизни: «В осеннем лесу, на развилке дорог...»[24 - Первая строка стихотворения американского классика поэзии Роберта Фроста (1874–1969) «The Road not Taken» («Другая дорога», 1916), пер. Г. Кружкова.]

Он не проносился по тому лесу на машине. И лес, и полуразрушенные каменные стены, и березки – образы и прозрения, составляющие его знаменитейший корпус текстов, – явились ему на уровне глаз. Его поэтические тропы и в самом деле пролегали по земле.

Мы храним воспоминания в теле. Храним страсти и горести. Храним и радости, и мгновения запредельного умиротворения. Чтобы добраться до них, восстановить их и пройти насквозь, нужно проникнуться телом. Когда в жизни случаются эмоциональные потрясения, травма потери возлюбленного, горе разлуки – все это запечатлевается в теле. Ум теряет чувствительность, он мастер все отрицать, но тело крепко держится за действительность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/dzhuliya-kameron/pravo-pisat-priglasenie-i-priobschenie-k-pisatelskoy-zhizni/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Теодор Хюбнер Ретке (1908–1963) – американский поэт и наставник в писательском мастерстве и стихосложении. Все имена собственные приводятся в соответствии с современными произносительными нормами. – Здесь и далее примечания редактора, кроме случаев, оговоренных отдельно.

2

Пер. Е. Левиной. – Примечание переводчика.

3

«Холлмарк Кардз» (с 1910 г.) – крупнейший американский производитель поздравительных открыток.

4

Пер. С. Липкина. – Прим. перев.

5

«Il postino» (1994) – фильм реж. Майкла Рэдфорда по роману Антонио Скарметы.

6

Скотт Фредерик Туроу (р. 1949) – американский писатель и юрист, автор девяти романов (три из них экранизированы, на основе одного снят цикл телепрограмм) и трех нехудожественных книг; проза Туроу переведена на сорок языков мира.

7

Утренние страницы – практическое упражнение из книги Джулии Кэмерон «Путь художника»: три страницы потока сознания, которые требуется писать от руки, ежедневно. – Прим. перев.

8

Остров во Флоридском проливе.

9

Эрик Альфред Лесли Сати (1866–1925) – французский композитор и пианист, представитель французского музыкального авангарда.

10

Кэрол Ломбард (1908–1942) – американская киноактриса, звезда бурлескной комедии.

11

Западный прибрежный район Лос-Анджелеса.

12

Джеймс Н. Такер – современный американский писатель и врач, автор детективной трилогии/медицинской драмы с элементами мистики о докторе Джеке Мерлине.

13

«Twentieth Century» (1934) – американская бурлескная комедия реж. Хауарда Хоукса.

14

Эммилу Харрис (р. 1947) – американская кантри-певица, автор песен.

15

Отсылка к Матф. 10:29.

16

Людвиг Мис ван дер Роэ (1886–1969) – немецкий архитектор-модернист, представитель интернационального стиля; выражение восходит к французскому писателю Гюставу Флоберу (1821–1880).

17

Долина близ города Таос на севере штата Нью-Мексико.

18

«Metropolis» (1927) – немой фильм-антиутопия немецкого реж. Фрица Ланга.

19

Эдвард Хоппер (1882–1967) – американский художник-урбанист, мастер жанровой живописи.

20

«Почтальон всегда звонит дважды» (1934) – детективный роман американского журналиста и писателя Джеймса Мэллена Кейна (1892–1977).

21

Лонг Боут Ки – город на западном побережье штата Флорида; Братья Ринглинги – цирковые артисты и антрепренеры, в 1882 г. основали цирк, который позднее слился с цирком Барнума и Бэйли, существует до сих пор. – Прим. пер.

22

Майкл Хоппе (р. 1944) – англо-американский композитор и продюсер, автор музыки к кинофильмам, сотрудничал с Вангелисом, Ж.-М. Жарром.

23

Натали Голдберг (р. 1948) – американская писательница, преподаватель, автор книги по писательскому мастерству – бестселлера *Writing Down the Bones* (1986).

24

Первая строка стихотворения американского классика поэзии Роберта Фроста (1874–1969) «The Road not Taken» («Другая дорога», 1916), пер. Г. Кружкова.

Купити: <https://tellnovel.com/dzhuliya-kameron/pravo-pisat-priglaszenie-i-priobschenie-k-pisatelskoy-zhizni-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)